

A man with a beard and short dark hair, wearing a black tactical vest and jacket, looks intensely at the camera. A woman with long dark hair, wearing a white dress with black polka dots, leans her head against his shoulder. They are on a city street at sunset, with cherry blossoms and a car in the background.

БЕЗ ПРАВА НА ОШИБКУ
ДОЧЬ ОЛИГАРХА

КРИСТИНА МАЙЕР

Кристина Майер

Без права на ошибку.

Дочь олигарха

<https://litres.ru/74694794>

Аннотация

- Ты не можешь отказаться, Юматов, - давит на меня командир. Отравляя душу, внутри расползается тихая ярость. – Серебряков настоял на твоей кандидатуре, руководство дало добро. Знаю, как он настоял! Полную кормушку бабок отсыпал! - Я же просил... - выдавливаю сквозь зубы, хотя злиться нужно только на себя. Чувствовал ведь не стоит лезть в это дело! Зачем вмешался? - Сделал все, что мог, но позицию ее отца пошатнуть не вышло. Ты спас девчонку, тебе с ней возиться...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	46
Глава 7	52
Глава 8	59
Глава 9	65
Глава 10	71
Глава 11	78
Глава 12	84
Глава 13	90
Глава 14	97
Глава 15	103
Глава 16	109
Глава 17	115
Глава 18	120
Глава 19	126
Глава 20	132
Глава 21	138
Глава 22	144
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Глава 1

Наши герои



Стас

— Тебе не нравится здесь? — заглядывая в лицо, спрашивает Леська. Верит, что сможет прочесть в моих глазах правду, если я захочу что-то скрыть? В данном случае мне скрывать нечего, поэтому неопределенно веду плечами.

Затянувшись, выпускаю в темное небо сизые кольца дыма.

Много лет назад атмосферой таких вот вечеринок я жил и дышал. С тех пор многое в моей жизни изменилось, считаю, что к лучшему. Свет фар подъезжающей к загородному ресторану машины бьет по глазам. Еще гости? Отворачиваюсь, мысленно матерю водилу — не мог оставить тачку на парковке? Надо к крыльцу подкатить, блеснуть количеством нулей, которые отвалил за BMW последней модели? Леська отбирает у меня сигарету, окрашивая фильтр красной помадой, делает затяжку, передает мне прямо в губы.

— Давай наверх поднимемся? — озвучивает предложение, от которого я, по идее, не должен отказаться. Я и не планирую.

Мы с Леськой не виделись три дня, которые я провел в командировке. Я хочу ее трахнуть, только поэтому я здесь. Леся отрезв отказалась пропустить «вечеринку года», хотя я предлагал альтернативу — себя на всю ночь. Любовь любовью, но намного важнее блеснуть в обществе, напомнив о себе, красивой. Хотя о любви между нами речи не идет. Какая, к херам, любовь? Трахаемся от случая к случаю, когда появляется свободное время.

— Позже, — отвечаю я, заметив, кто выходит из «бэхи».

— Сначала именинницу поздравить надо, — усмехнувшись.

Леська уверяла, что не может бросить подругу в такой важный день. Не поверил, но подыграл.

— Именинница все равно опаздывает, — понижает голос до сексуальной хрипотцы. — Мы могли бы по-быстрому...

«Могли бы...»

Мне заходит ее раскрепощенность в постели. Наш секс без тормозов. Не нужно просить и объяснять. Между нами разница в шесть лет, в свои двадцать четыре Леся многое умеет. Мы учились в одной школе, но тогда она была сопливой девчонкой, училась в пятом классе, она меня помнит, я ее — нет. Удивительно было бы, если бы запомнил. Хотя наверняка знал, кто ее отец. В том мире другие правила и интересы, где с детства учат выбирать нужные знакомства и заводить правильных друзей.

Встретились мы с Лесей несколько недель назад в клубе, куда завалились с Жаровым спустить за ночь месячную зарплату.

По лестнице поднимается пара молодых людей, Леська наконец-то заметила «подругу», бросается ей наперерез.

— Юна, с днем рождения! — кидается обнимать, голос дрожит от возбуждения. Стоя в тени, куда не бьет свет фонарей, наблюдаю за реакцией именинницы. Улыбается натянуто. — Мы вас уже заждались, — Леська переключает внимание на молодого парня.

Я достаточно в этой жизни понимаю, чтобы точно сказать: именинница не желала устраивать праздник. В груди теплым комком формируется уважение. С хера ли? Отмахиваюсь от этой теплоты очередной затяжкой.

— Решил сделать сюрприз сестренке, отметить ее день рождения с размахом, а она не хотела ехать. Пришлось уговаривать, — подтверждает мои подозрения парень, стоящий рядом с ней.

Красный уголек сигареты привлекает внимание Юны, она ведет головой в мою сторону, пытается рассмотреть за темной шторой ночи мое лицо. Это сложно сделать, я удачно выбрал позицию, чтобы оставаться в тени. Профессия накладывает свой отпечаток.

Зато я смог хорошо ее рассмотреть: длинные волосы медового оттенка, накрученные на концах, почти достают до талии. Скромные – для ее статуса и положения – украшения. Впрочем, это касается и платья. Светлое, максимально закрытое. Летящая юбка в пол, декольте не открывает даже ложбинку груди, которая у нее определенно есть. Личико смазливое, я бы даже сказал, красивое. Губы охренительные, на них фокусируется мой взгляд. Пока голодный мозг не стал подбрасывать картинки, что я хотел бы с ними сделать, выбросив окурок в траву, выхожу на свет.

— С днем рождения, — считаю, невежливо будет промолчать.

— Спасибо, — никакой реакции, голос ровный, во взгляде

де целый ноль интереса. Задевает? Не разобрался пока. Она вообще вся какая-то закрытая, словно через кокон на нас смотрит.

— Это мой парень — Стас, — представляет меня Леська, нервничает, слишком много жестикуляции. Парень, значит, ну ладно. — Это Юна, ради нее мы сегодня здесь собрались, — отмечаю, что статус «подруга» опущен, как я и думал. — Это Михаил, брат... двоюродный брат, я ведь ничего не путаю?

— Не путаешь, — Михаил сияет белозубой улыбкой. — Приятно познакомиться, — протягивает руку. Пожимаю, отмечая слабую кисть. С внутренним азартом жду, что именинница что-то скажет, отпустит какую-нибудь любезность. Игнорит. Внутри меня скалится зверь, принимая вызов.

— Взаимно, — стараюсь не реагировать на то, как напрягается во мне каждая мышца. Не пойму, какого хрена меня это задевает? Ладно, разберусь. Скорее всего, проблема в усталости.

Трехдневная командировка на Восток закончилась тем, что мы наконец-то накрыли банду, торгующую живым товаром. Девочек вытащили, только ни хрена не спасли, там ведь у каждой покалеченная судьба. Нет таких психотерапевтов, которые смогут переписать им жизнь с чистого листа. Подсознание заставит вариться в том дерьме, через которое они прошли. Кто-то по глупости, кто-то по собственному желанию. Вот там поломанные судьбы, покалеченная психика...

а тут избалованная мажорка, у которой все есть. Хочется в это верить, но звериное чутье, которому я привык доверять, не спешит со мной соглашаться. На контрасте своих мыслей и чувств решаю в этом разобраться, хотя не пойму, для чего мне это надо. Очередная головоломка, которую хочу разгадать.

— Наконец-то! — на террасу высыпает гости.

— С днем рождения! — кидаются обнимать именинницу, засыпают девчонку красноречивыми поздравлениями. Шумно, очень шумно.

Отступаю в тень. Привычка. Для всех я просто Стас. Попросил Леську не упоминать фамилию – во избежание ненужных вопросов и параллелей. Она не знает, что в другой жизни я убийца, пусть и в законе. Снайпер – призвание, помноженное на годы тренировок.

Гости вместе с именинницей возвращаются в ресторан, мы с Леськой остаемся на террасе раскуривать одну сигарету на двоих. Выбросив окурок, притягиваю к себе, завладеваю податливым ртом. Она тут же отвечает, подается навстречу, трется о мой стояк.

— Ты упустил свой шанс по-быстрому, Юматов. Теперь жди, когда гости напьются и начнут заниматься тем же самым, — смеется. — Пока все трезвые и приличные, но это ненадолго.

Первый этаж элитного загородного отеля-ресторана – кухня и банкетный зал, второй этаж – номера, которые предо-

ставлены гостям на все выходные. Нулевой этаж – бассейн, сауна, русская баня. Снять это место, даже без меню и выпивки, выльется в шестизначную цифру.

Возвращаемся в ресторан. Официанты ожили, плывут с бокалами шампанского по залу, на сцене живая музыка. Мужики не пьют шампусик, их на столах ждут крепкие напитки.

Утягиваю Леську к дальней стене, занимаем неприметный столик в стороне. Она рвется в центр, где оживленная тусовка: гости продолжают шуметь и обниматься. Желание отвиснуть и потрахаться удивительным образом трансформировалось в желание наблюдать. У меня ведь в голове нерешенная задача под кодовым названием «Юна».

— Юматов, ты сегодня скучный... — тянет недовольно Леська.

— Уставший. Я только вернулся из командировки. Если помнишь, я предлагал остаться дома.

Отмахнувшись от моих слов, не без злости выговаривает:

— Где бухал, трахался и договаривался о поставках лекарств. Конечно, устал!

Я не переубеждаю, хотя она ждет реакцию. Специально ведь провоцирует, эмоций девочке не хватает, а я не даю в них окунуться. Аптеки действительно имеются, но я ими лично не занимаюсь. Для Леськи я неудачник. Отказался от своей фамилии и наследства. Помимо работы, я за последние три года открыл две аптеки – негусто для того, кто мог владеть миллиардами, но мне есть чем гордиться. Леська ни-

когда не скажет, но она мои достижения таковыми не считает.

— Ты ревнуешь? — не знаю, зачем спрашиваю. Может, хочу увидеть в ее взгляде живые эмоции: слезы, боль, растерянность, переживания? Но их там нет.

— Нет, ты же знаешь, — передергивает плечами.

Меня не царапает. Я даже рад, наверное.

— Тогда не будем больше поднимать тему моей усталости, — поза расслабленная, откидываюсь в кресле, но по тону она понимает, что переходить границы не стоит.

Она запрещает себе ревновать, Леську не устраивает мой счет в банке, он значительно меньше, чем у нее. Трахаться со мной — одно дело, там можно не прятать эмоции, а вот собственнические инстинкты и любовь она шлет куда подальше. Леська замуж хочет. Я на роль мужа не гожусь, поэтому Елизарова никогда не вцепится в меня острыми, как бритва, ноготками. Она будет искать состоятельного мужика. Прими я наследство деда, все было бы по-другому, но я его никогда не приму. И Леську в качестве жены я не вижу. Она сидит рядом со мной, стреляет глазками по залу в поисках выгодной партии для брака. Я не мешаю.

За наш столик, облобызав именинницу, подтягиваются Леськины друзья. С Кариной знаком. Я был в клубе с Лехой, когда мы встретили девчонок. Ушла она той ночью с Жаровым. Сегодня она в обществе «пепельного» парнишки. Длинная челка, в ушах туннели, бровь проколота, шея и ру-

ки полностью забыты. Мы уже здоровались, вроде он даже имя называл, я пропустил.

— Водка или коньяк? — спрашивает меня, поднимая бутылки.

— Коньяк, — пальцами двигаю стакан.

Он наливает себе водку, мне — полстакана коньяка. Девки треплются, обсуждают наряд Юны. Для них он чересчур скромный.

А мне зашло ее платье. Юне идет.

— Чем занимаешься? — интересуется пепельный блондин.

— Работу работаю.

— Не хочешь, не говори, — тянет вверх губы, махом выпивает стопку, кидает в рот оливку.

— Не хочу, — глоток алкоголя растекается теплом во рту.

Я вообще не хочу говорить. Я пытаюсь решить «свою загадку», засела в голове, покоя не дает. Вспоминаю, что я слышал о девчонке. У Серебряковых ювелирный бизнес. Прокручиваю в голове несколько раз фамилию, она всплывает с фамилией его партнера. Последнее время часто пестрят в бизнес-новостях. Вдруг ошибаюсь, надо бы проверить. Вбиваю в поисковике...

Точно! Невеста Гаранина...

Игоря сегодня в зале нет, эту сволочь я бы узнал, как и он меня. С интересом смотрю на Юну. Как ты умудрилась связаться с Гараниным?

Напоминаю себе, что это не мое дело.

Леська с Кариной продолжают трещать, втягивают в разговор «пепельного», мне даже не надо скрывать свой интерес, они уже пьяные и веселые, ничего не замечают, но я все равно наблюдаю украдкой.

Давно я не любовался девушкой со стороны. Ею люблюсь. Линией хрупких плеч, красивой шеей, алебастровой чистой кожей лица, скромной улыбкой. Неудивительно, что Гаранин на нее запал: невинная, чистая, хорошая, правильная девочка. Только таких выбирал Игорь. Портил, а потом бросал. Эту не бросит, женится. Дорогая визитная карточка олигарха Гаранина.

Я не один, кто смотрит на именинницу. Девки – с завистью, мужики вождедеют. Хочется вбить им в глотки зубы за эти пьяные пошлые взгляды. Отставляю стакан в сторону. Лучше не пить, раз такая дичь ползет в голову. С чего вдруг меня это напрягает? С чего вдруг мне захотелось защитить этого ангела?

Мне по-хре-ну!

По-хре-ну на нее и ее жизнь!

Чужие невесты на то и чужие, что у них есть заступники. Мажорками не интересуюсь, если только потрахаться. Эта и не даст. Ничем не могу объяснить свой интерес. Ах да, она ведь меня проигнорировала, а я привык, что бабы на меня ведутся.

Брат уговаривает Юну выпить один бокал шампанского,

второй запикивает насильно. Появляется желание врезать этому Мише. Ангелы не должны пить спиртное, им утром бывает плохо. Не хрен спаивать девчонку.

Леська с Кариной забирают пепельного и уходят танцевать. На сцене куражится известная группа. Зал пьяно подпевает, орут так, что не слышно микрофона. Тупая музыка, слова идиотские, которые не заходят только мне и Юне. Поддавшись уговорам, она идет в танцевальный круг.

Через три песни ди-джей ставит медляк.

Дерзнуть, пригласить на танец? Не пойдет. Могу настоять, но не буду портить девчонке праздник. Тем более она уже танцует с братом. Продолжая наблюдать, замечаю, что мужики держатся от нее на расстоянии. Еще одна загадка. Установка Гаранина? Никто, кроме него, не может к ней прикоснуться?

— Идем? — возвращается Леся, плюхается на бедра, упираясь ягодицами в пах, крутит задницей.

Да, детка!

Оставляю загадку по имени Юна, тещу Лесю наверх. Номер чистый, еще никто не занимал. Леська падает на колени, расстегивает ширинку, достает из трусов член. Действует быстро, даже отдышаться не успевает. Кто ее так завел? Облизывает головку, смачно посасывая. Профессионально заглатывает даже мой размер, упираясь губами в яйца.

Расслабляет мой напряженный мозг, топит его в чисто мужском удовольствии. Вплетаю пальцы в волосы на ее за-

тылке, фиксирую голову и несколько раз толкаюсь, чтобы не мучить Леську, отпускаю себя. Она проглатывает все. Упирается в живот двумя ладошками, отталкивает. Глаза блестят, как у голодной кошки. Перемазанный слюной член выскакивает наружу. Это только разминка.

Скидываю с себя одежду, Леська раздевается сама.

Достаю презервативы из заднего кармана, бросаю на постель. Леська получает первую разрядку, выкручивается на моем члене, сжимая его до легкой боли.

— Стас, хватит... — стонет Леська, когда после второго ее оргазма я не успокоился. В голову опять лезет Юна. Что ты там забыла? Но, вопреки голосу разума, представляю ее губы, аккуратную попку, которой она почти незаметно крутила на танцполе. Два глубоких толчка — и я кончаю до пятен перед глазами...

Это ппц как хреново! Мы видимся первый и последний раз! Напоминаю себе, чья она невеста. Обещаю: выкину эту девочку из головы...

Натянув штаны, не застегиваю ширинку, босым выхожу на балкон. Прикуриваю. Затягиваюсь до легкого головокружения и тошноты.

— Ты меня уделал, — ржет Леська, поднимаясь с постели. — Я теперь на раскорячку ходить должна? — сопровождая довольным стоном. На балкон не выходит, топает сразу в ванную.

Затягиваюсь еще раз, успокаиваю бешеный пульс. В голо-

ве просветление. Вот это правильно. Запрокидываю лицо к звездному небу. Красиво. Спокойно должно быть на душе... А беспокойно...

Плохо, майор Юматов! Плохо!

Фильтр сигареты прикладываю к губам, там еще на пару затяжек. Не успеваю впустить в легкие дым. Знакомый до дрожи хлопок замораживает в венах кровь. Его не могут заглушить даже звуки музыки. Я слишком хорошо знаком с тем, как работает снайперская винтовка...

Твою мать!

Глава 2

Стас

Есть разница между тем, когда целятся в тебя, и когда ты находишься по ту сторону прицела. Сердце даже кровь качает по-разному. Когда выполняешь задание, ты холоден и собран, на твоей стороне опыт. Когда целятся в тебя, как бы привычен ты ни был к смерти, чувство опасности выбрасывает в кровь адреналин. Спрятаться на открытом балконе невозможно, если вдруг в тебя направлено дуло.

Ныряю в тень. Пульс частит. Непонятно, что происходит. А непонятные ситуации с оружием, заряженным боевыми патронами, я не выношу. На розыгрыш это не тянет. Тушу о поручень балкона окурок. Вслушиваюсь и всматриваюсь в темноту. Именно в темноту, потому что освещение во дворе загородного клуба резко гаснет.

Люди, отвечающие за безопасность «золотой молодежи», приходят в движение. Им ведь не зря деньги платят.

Хлопок...

Еще один...

«Минус три», — мысленно.

Наши так не работают. Любое задержание, даже самое сложное, должно проводиться с минимальными, а желательно нулевыми потерями. Не всегда получается, но чем чище отработали, тем меньше бумажной волокиты.

Херачат по охране профессионалы. Будут класть всех или кого-то конкретно? И я сейчас я не про «мордой в пол».

Охраны здесь почти столько, сколько гостей. Не простая молодежь собралась. Многие из них катаются с телохранителями, хоть и не все. Плюс служба безопасности самого клуба.

Мне вот ничего не стоит свалить отсюда незамеченным, не подставляться под пули. Семьдесят процентов людей обычно так и поступают, потом могут вызвать полицию. Тридцать – предпочтут промолчать из страха, что им придут мстить.

Кто-то скажет: «один в поле не воин», тем более без оружия, но я ведь не пальцем делан. Убить быстро себя не дам. В моих жилах течет убойный коктейль из страха и бесстрашия, а еще уверенность, что я могу помочь людям. Хотя в этот самый момент перед глазами только один человек. Точнее, девушка. И вот гребаное чутье подсказывает, что спасать нужно в первую очень Юну. Откуда я это знаю? А я и не знаю... Пока.

Заглядываю в душевую, Леська расслабленно натирает свое ухоженное тело, припевает что-то, не попадая в ноты. Вроде тот бред, что звучал там, в зале. Новомодное говно, занимающее верхние строчки хит-парадов.

Никогда не знаешь, как поведет себя баба в экстремальной ситуации. Хотелось бы, чтобы шок ее парализовал, она забыла, как издавать звуки, особенно повышать эти звуки до максимальных децибелов. Спокойно можно было бы уложить ее

спать... Но хрен угадаешь, когда она придет в себя. Начнет орать — ее пристрелят.

Просчитываю приблизительный ход операции. Почти любую операцию по захвату я могу прорисовать в голове и мысленно отмерить время до завершения. И его у меня все меньше.

— Лесь, — открываю резко кабинку, она подпрыгивает. У меня очень мало времени, поэтому стараюсь подобрать нужные слова в короткие сроки. Желательно, чтобы они сразу дошли до ее пьяного сознания.

— Юматов, даже не думай, — стонет она, мотая головой.
— Дай полчаса...

— Лесья! — повышаю голос, она видит, что я не улыбаюсь. У меня сердце на разрыв работает, чувствую, что теряю время, уходят драгоценные секунды. Я серьезно проигрываю тем, кто сейчас кладет во дворе охрану.

— Что?.. Что-то случилось? — переступает с ноги на ногу, хочет подойти ко мне, разгладить морщинки на лбу, она так делает, когда я злюсь, но сейчас стоит на месте.

— Мне нужно уйти. Твоя задача — одеться и спрятаться, — ровным жестким голосом, чтобы не смела возражать. — Не высовываться, пока все не закончится.

Хотел сказать «пока не приду за тобой», но меня ведь могут подстрелить. С пулей в голове я точно за Леськой не вернусь.

— Что должно закончиться? — глазами хлопает, нервно

улыбается.

— Лесь, просто не высовывайся, — по слогам, но все так же твердо. В это время кто-то из охранников во дворе поднял шум, два выстрела из Макарова заставили Лесю вздрогнуть. У меня чуть ослабла пружина, может, «добрые» справятся, и перевес будет на нашей стороне?

Где-то наемники лоханулись. Забыли, что личных телохранителей выбирают из лучших когда-то бойцов? Плохо то, что гости вряд ли обратили внимание на выстрелы. Там, в зале, до сих пор херачит музыка. Но выстрелы слышит Леська, из ослабевших рук выпадает флакон с гелем, бьется о мраморный пол, она не реагирует.

— Кто-то стреляет, — бледнеет на глазах. Мне только ее обморока не хватало. Резко переключаю кран, холодные струи быстро приводят ее в себя, она вздрагивает, но, прежде чем она успеет закричать, я жестко произношу:

— Не кричи! — сама закрыла ладошками себе рот. Вот и умница. — Да, стреляют. Чтобы не попасть под перекрестный огонь, ты спрячешься. Поняла?! — кивает часто-часто головой. — Быстро одевайся и прячься, если хочешь жить, — Леська отмирает, выскакивает из душевой. Она даже протрезвела окончательно. — Вот и молодец.

— А ты куда?

— Проверить обстановку.

Заодно найти отсюда безопасный выход.

— Не ходи, Стас. Вдруг тебя убьют?..

— Делай, что я сказал! — резко, чтобы прекратить зарождающуюся истерику. — Сейчас ты заботаешься только о себе. Не забудь выключить везде свет.

Надеваю футболку, куртку забрасываю в шкаф. В ней неудобно двигаться, брендовая шмотка для понтов, я ведь знал, куда иду. Надиктовываю сообщение Жарову: быстро обрисовав обстановку, скидываю адрес. Приехать ребята не успеют, но все пути отхода на дорогах успеют перекрыть, поднять по тревоге полицию. Выхожу через балкон, потому что этого никто не ждет. Перелетев перила, мягко приземляюсь на подстриженный газон.

Эмоции отключаются по щелчку. Ушел в тень, осмотрелся. Двигаюсь бесшумно. Я вычислил, где сидит снайпер, но его не достать. Без винтовки, по крайней мере. Зато я точно знаю все его слепые зоны. Есть квадраты, в которых могу двигаться почти спокойно.

Со стороны кухни точно должен быть запасной выход. Возле него уже дежурят, пара наемников держат дверь на прицеле. По кухработникам не стреляют. Значит, кого-то ждут, что подтверждает мои подозрения. Заказ на какое-то конкретное лицо или группу лиц?

Подкрадываюсь бесшумно. Останавливаюсь за их спинами, они слишком близко друг к другу. Уберу одного, второй заметит. Захватываю первого, закрываюсь им и сворачиваю шею резким движением. Мне не видно из-за балаклавы глаз его напарника, но там точно шок. Свернуть шею взрослому

тренированному мужику на самом деле достаточно сложно. Сейчас я благодарен командиру, что он нас затрахал физподготовкой и отработкой приемов самообороны, иногда до темных точек перед глазами гонял на полигоне. Парень напротив меня не успевает совершить выстрел, перехватив автомат, точным попаданием в голову укладываю второго бойца. Забираю магазины, рассовываю по карманам. Снимать разгрузку и броники с убитых времени нет.

Из ресторана доносятся крики, стрельба, начинается паника. Музыка продолжает звучать, она чем-то напоминает стоны боли, пилит натянутые до предела нервы. Повара и официанты, что были в кухне, высыпают во двор, видят меня, пугаются, кричат, поднимают руки.

— Спрячьтесь! — нет времени объяснять, что я из команды «хороших». — Выход перекрыт, туда нельзя!

Кивают головами. Прослеживаю взглядом за тем, куда бегут. Информация о том, как можно отсюда выбраться, лишней не будет, но что-то мне подсказывает: там находится еще один снайпер. Тот, кто подготовил операцию, наверняка учел все риски.

Глубокий вдох, выдох. Вхожу в здание. Не люблю работать в помещении. В условиях города тоже. Может произойти любая жопа. Мирных слишком много, кто-то подставится или срикошетит пуля, а ты потом в бутылку лезешь, чтобы забыть, только ни хрена не забываешь!

Нет!.. Нет... Нет!!!

Отрубая мозг, мне не нужны сейчас гребаные флешбеки, столько лет не было...

Воскрешаю в башке образ Юны, он рассеивает мрак, который меня чуть не накрыл.

Она сейчас в зале, и ей грозит опасность!

Если ты не поспешишь, ее красивые пухлые губки больше никогда не улыбнутся...

По дороге в ресторан снимаю еще двоих бойцов из отряда «плохишей». Коридоры взяты ими под контроль. Сколько их вообще в клубе, я не знаю, а это пздц как непрофессионально. Я действую, надеясь на удачу. Аккуратно заглядываю в зал из-за угла, несколько бойцов стоят над уложенными на пол гостями, поднимают девчонок, смотрят в лицо, грубо отбрасывают на пол, который усеян осколками и айфонами, а еще он залит кровью.

Отморозки!

Положить дохрена невинных, чтобы получить одного? Это акт устрашения, на кого-то решили жестко надавить? Все больше убеждаюсь, что они пришли за Юной. Я вижу ее, лежит близко к сцене, укрытая телом своего брата.

Кто перешел дорогу этим парням – твой отец или жених?

Автоматная очередь. Женский испуганный визг, минус один гражданский. Пытался сбежать...

Ныряю в другой коридор, успеваю убрать еще одного бойца. Сверху у наемников есть прикрытие. Вылезу – они меня тут же снимут.

Главарь, именно так мысленно называю верзилу под два метра ростом, доходит до края. Отпихнув ногой брата Юны в сторону, он хватает ее за волосы и дергает на себя. По позвоночнику пробегает жар, он воспламеняет кровь и разгоняет злость, а я должен быть спокоен...

— Забирайте! — швыряет ее двум другим, прикрывая, они все время стоят за спиной. Молча ловят. Юна не кричит, но глаза на все лицо.

Потерпи, девочка...

— Не трогайте ее! — бросается Михаил на выручку сестре.

Получает пулю и оседает на пол. Юна бледнеет, из нее словно разом выкачали всю кровь. На снег положишь раздетой — не найдешь.

Бля! На всю жизнь у девчонки отбили желание праздновать дни рождения. А они у нее обязательно будут.

Точным выстрелом в голову убираю главного...

Глава 3

Стас

Мне даже не хочется анализировать глупость, которую я только что совершил. Один эпитет ко мне идеально подходит, я даже спорить не буду. На «дол» начинается, «еб» кончается! Я такие промахи не совершал даже зеленым необстрелянным юнцом. Рискнуть несколькими десятками заложников, чтобы что?

Спас?!

Увидел боль в глазах незнакомой девчонки и нажал на курок? Зашибись объяснение, а объясняться придется! Теперь она там кричит, срывая голос.

Вокруг летит штукатурка, пыль забивается в дыхательные пути. Любая пуля может срикошетить. Коридор, в котором я укрылся, пытаются стереть до основания, но мощности автоматов для этого не хватит. Отхожу назад, ныряю в другой коридор, где оставил пару «двухсотых». Отсюда на второй этаж не подняться, нужно выйти через зал. Возможно, где-то есть запасной выход, но нет времени на его поиски, которые могут ничего не дать.

Четкими быстрыми выстрелами убираю оставшихся боевиков в зале. По стрельбе я всегда был лучшим. Неважно, какой ствол мне попадал в руки, главное, чтобы не кривой. Скорость стрельбы, меткость, расстояние – я в этом лучший.

И сейчас те, кто палит сверху, смогли в этом убедиться. Прекратили огонь. Даже интересно стало, что там в их головах щелкнуло, что они застопорились?

С одного из убитых снимаю рацию, гарнитуру. Слушаю пару минут. Тишина. Тут ясно: поняли, что я могу их прослушивать, переключились на дополнительный канал связи.

Резко падаю на пол и, не целясь, произвожу несколько выстрелов. Все в цель, минус два. Я не слышал шагов, не мог физически их услышать, на человеческом уровне их невозможно уловить. Военные называют это чуйкой или звериными инстинктами. Объяснить сложно, чтобы тебя не посчитали дебилом. Вот эта самая чуйка не раз спасала жизнь опытным бойцам. Мне сейчас тоже спасла.

В зале поднимается крик, гости в панике разбегаются. Не останавливает даже то, что по ним только что велся огонь. Тишина в несколько секунд дает им надежду, что плохие парни ушли. Не ушли, перегруппируются. Мы бы так сделали. А тут работают профессионалы. На моей стороне эффект неожиданности, только поэтому я пока жив.

Представляю приблизительную картину происходящего в зале, прежде чем двинуться вытаскивать девчонку. Так и есть, кто-то забился в угол, кто-то бежит, надеясь на спасение, а Юна сидит над телом своего брата, пытается помочь. Ей нет дела до бандита, кровью которого сейчас забрызгано ее платье, а он валяется у нее в ногах. Ничего не видя из-за крупных слез, которые застыли в глазах, она пробует спасти

Михаила, удержат ладошками утекающую из раны кровь.

Перезаряжаю магазин, врываюсь в зал, подхватываю одной рукой за локоть и дергаю девчонку за руку. От меня ша-рахаются, бегут с криками. Сейчас для них я враг, потому что с оружием в руках. Объяснять бесполезно, не услышат. У людей шок и истерика.

Пробую их направлять, объясняю, где можно спрятаться. Кто-то слышит, кто-то нет. Неуправляемая масса, среди которой нет или не осталось ни одного героя. Каждый сам за себя.

— Отпустите, — тихий голосок на грани слышимости врывается в мое личное пространство. — Немедленно отпустите! Чего вы от меня хотите? — несмотря на страх и боль, в голосе слышится вызов и надменность.

— Голову втянула в плечи и закрыла свой красивый рот, — дергаю именинницу за локоть. В ее хрустальных от непролитых слез глазах плещется шок. — Да, детка, тебя хотели убить. Больно осознавать, но этот гребаный мир сегодня против тебя? — мой голос пропитан яростью. Злит! Как же все злит! Влез не в свое дело, не смог остаться в стороне.

Она узнает меня, шурится подозрительно. Да, это меня ты проигнорировала на террасе, всем своим видом показывая, что недостойн знакомства с тобой. Ну, давай, начти орать, что это я устроил бойню. Вижу, как крутятся в ее голове мысли, складываются в какую-то только ей известную картину. Не спешу убеждать девчонку, что влез в это дерьмо, только

чтобы ее спасти. Потому что моя чуйка голосила – пришли за ней!

— Там Миша, — проходится по нервам красивым, словно музыка дождя, голосом. От крика он немного просел, но легкая хрипотца его никак не портит. Скорее цепляет и пробуждает скрытые желания.

Бля, нашел время!

— Ему я не могу помочь, но тебя вытащу живой, если будешь слушаться, — в ее взгляде все еще сомнение, но мозг – как для бабы – нормально функционирует. Не стала истереть и обвинять меня.

Оглядывается, будто может найти ответы в пространстве. Сомневается. Не доверяет. Неудивительно, меня она видит первый раз в жизни. Дать пощечину, чтобы отмерла и начала шевелить ногами?! Понимаю, что даже ради спасения наших жизней не смогу ее ударить.

— У тебя три секунды, чтобы дать ответ, потом я уйду один, — вздрагивает, словно я ее ударил.

Самое дерьмовое, что я не уйду. Я только что трахал одну телку, а спасать кинулся другую. Могу оправдывать себя тем, что Леську никто убивать не собирался, но оправдание слабое. По всем фронтам не прав. Тут ведь на каждом шагу камеры, мне еще прилетит от руководства, что засветил свое... лицо! Все мои действия изучат под микроскопом и вынесут предупреждение – это в лучшем случае. О том, что погонят из спецназа, думать не хочется. Из родной семьи было легче

свалить, чем из братства.

— Хорошо, — выдыхает Юна. — Я иду с вами.

— Вопросов не задавать. Выполнять все мои команды, говорю «ложись» — ты падаешь на землю, говорю «ползти» — ты ползешь и не жалуешься. Все понятно?

— Вы кто? — блеска в глазах стало больше. Только не реви! Терпеть этого не могу!

— Конь в пальто. Никаких вопросов, — дергаю ее за руку и веду за собой. Не сопротивляется, но быстро перемещаться не может из-за каблучков.

— Другой обуви у меня нет, извините, — поймав мой недовольный взгляд, сделала правильные выводы. — Я могу попытаться оторвать каблучки.

— Оставь, твои ноги так ох@но смотрятся в туфлях, что я готов потерпеть наше медленное передвижение. Чем будешь расплачиваться за спасение? — я мудак, конечно, но не до такой степени, как сейчас обо мне думает Юна. А она думает, так громко думает, что у меня уши начинают гореть.

Лучшее средство от слез — переключить ее внимание. Я переключил. Если бы у нас было время, остановился бы и понаблюдал, как на ее хорошеньком лице эмоции водят хоровод. Убойный коктейль там, можно кончить. Ее злость заводит не меньше, чем хорошенькие ножки.

— Думаешь, я альтруист, который бежит спасать смазливых телок за просто так? — поторапливая, чуть сильнее дергаю за руку, чтобы бежала за мной.

— Мой отец вам заплатит, — высокомерно. Бесит ее тон.

— Неинтересно. Отсосешь мне? — она упирается ногами в пол, пытается выдернуть руку, но я упорно тащу ее за собой.

— Ни за что! Вы омерзительны! Да как вы?.. — я ее даже не слушаю. Она тихим голосом пытается сравнять меня с землей, только мне пофиг.

Ее губы на моем члене — мечта, которой не суждено осуществиться. Просто мне нужно, чтобы она думала о чем угодно, только не о том, что сейчас произойдет.

— Ложись! — бросаю ее на пол, накрываю собой и начинаю стрелять в открытое пространство двери. Взрыв не долетевшей до коридора гранаты оглушает на несколько секунд...

Глава 4

Юна

Ощущение нереальности происходящего. Скованное страхом, непослушное тело, обжигающий холод внутри и снаружи, который не исчезает – вот то, что я чувствую. Удивительно, что я еще способна на чувства. Я – будто не я, словно попала в параллельную вселенную, где все еще хуже, чем в моей реальности.

Мне до последнего хотелось верить, что Мишка-дурак решил меня растормошить и устроил розыгрыш. Я отказывалась верить, что мои гости лежат убитыми, легче было обманывать сознание и убеждать себя в том, что они знали о розыгрыше. Знали и подыгрывали.

Миха...

Его больше нет! Меня топят истерика и боль, но я из последних сил держусь, скорее всего, включились резервные возможности организма, по-другому я объяснить свое поведение не могу.

Не хотела... Как же я не хотела отмечать свой день рождения! Видеть радостные лица друзей, отвечать улыбкой и делать вид, что все хорошо. Двадцать один – шикарный возраст, чтобы наслаждаться молодостью, познавать новые горизонты, устроиться на классную работу, путешествовать, любить...

Только для меня двадцать один – приговор!

Мне нечего отмечать, я хотела бы отсрочить свой день рождения лет на тридцать, а лучше, чтобы он никогда не наступал. Теперь Гаранин не примет никаких отсрочек. У меня осталось несколько недель свободы, которые я должна прожить в установленных женихом рамках, которые действуют в отношении меня уже пять лет. Именно столько лет назад Игорь увидел меня и сказал отцу, что женится на мне, если они будут выполнять требования Гаранина и строго следить за моим воспитанием, не допустят никакого скандала, связанного со мной, а в первую брачную ночь я окажусь неопытной девственницей. Намекая, что никакие шалости с мальчиками недопустимы. Гаранин во всем должен стать первым. Стоит обо всем этом начать думать, как меня передергивает.

Он спас нашу семью от банкротства. Папа считает, что я должна быть благодарна Игорю. За что благодарить? Он ведь не на добрых началах кинулся помогать нашей семье, Игорь преследовал определенную цель – в обмен на поддержку в бизнесе он потребовал меня.

День рождения – это праздник, мои дни рождения после восемнадцати стали пыткой. Я ненавидела их приближение, ведь это еще один шаг навстречу нежеланному замужеству. А время, как назло, ускоряло свой бег. Кажется, вот только мне исполнилось девятнадцать, а уже двадцать один.

В тот момент, когда бандит выстрелил в Мишу, у меня промелькнула предательская мысль: пусть и в меня стреляет,

разом избавлюсь от Гаранина, получу наконец-то свободу.

Я не хочу становиться женой Игоря. Все во мне противится предстоящему замужеству. Отец постоянно повторяет, что я ни в чем не буду нуждаться, что Игорь станет мне хорошим мужем, только я не верю. Не могут деньги сделать человека счастливым. Возможно, я так рассуждаю, потому что никогда не знала нужды, но мнения своего не изменю. Мне Гаранин неприятен. Я его боюсь: холодный, деспотичный, придирается к любой, даже самой незначительной мелочи: спину ровно держи, не носи высокие каблуки, тебе не идет, платье короткое, джинсы нужно выкинуть, они слишком сильно обтягивают...

Бесконечные придирки. Но слышу их только я. Когда-нибудь я стану доведенной до совершенства бабочкой, которую он из меня вылепит, а потом наколет на булавку и поставит под стекло. За маской «настоящего мужчины» прячется абьюзер.

Отец этого не видел. Отказывался слышать правдивые жалобы, считал, что я пытаюсь оболгать жениха. Верил, понимал и поддерживал меня только Миша, папа в жесткой манере пресекал любое мое недовольство будущим мужем.

— Девушка должна быть при муже, — повторял он. — Свобода плохо влияет на женский разум, развращает не только ум, но и тело. Игорь не даст тебе ошибиться, с ним ты будешь счастлива, — когда папа начинал эти разговоры, я сразу вспоминала маму. Она ведь не просто так все бро-

сила и ушла от отца? Они редко ругались, но мамины глаза все больше тускнели, а однажды она уехала в салон и не вернулась. Сначала я считала ее предательницей. Обижалась, клялась, что никогда не прощу, но с годами стала понимать. Невозможно всю жизнь прожить под чужим давлением и не сломаться.

— Если бы у него не было столько денег, ты бы не считал его достойным кандидатом, — выпалила я в пылу нашей последней с отцом ссоры.

— Юна! Ты становишься слишком строптивой, поэтому и нужно скорее выдать тебя замуж, — разозлился он и запустил в меня папкой с документами. Не попал, но было очень неприятно, что он опустил до физической расправы. Любое мое желание поговорить с отцом он выворачивал в пользу скорой свадьбы. Ее не избежать, и я почти смирилась. Почти... Маленький островок надежды все еще теплился где-то в душе...

А теперь мой мир окончательно рухнул. Единственный дорогой мне человек убит. Возле меня совсем чужой, незнакомый мужчина, его вроде Стас зовут, но я не уверена. Он грубо разговаривает со мной, но меня не задает. Думает, задел? Этот гребанный мир давно против меня.

— Там Миша, — смотрю в эти прозрачные бирюзовые глаза и очень стараюсь держать себя в руках, хотя внутри всю трясет. Молю взглядом, чтобы помог. Помог Мише.

Стас меня пугает, но я отчего-то ему доверяю. Возможно,

я себя обманываю, и мне уже все равно, что со мной будет дальше. Я еще там, на террасе, поняла, что от этого человека стоит держаться подальше, а сейчас, как глупая овца, иду на заклание со своим возможным палачом.

— Ему я не могу помочь, но тебя вытащу живой, если будешь слушаться, — голос уверенный, сильный, властный, от его тембра кровь в жилах леденеет, но все равно где-то на периферии еще работающего сознания есть уверенность, что он меня не убьет.

— Хорошо.

Я согласилась. Зачем?

Когда он заговорил о том, что не спасает «телок» за просто так, я дар речи потеряла. Грубиян! Хам! Он так общался, будто я сама ему навязалась! Но все равно решила предложить деньги, их все любят. Думала, и этот обрадуется.

— Неинтересно. Отсосешь мне?

Он это мне?!

Он просто омерзителен! Да как он посмел мне такое предложить? У меня горело лицо, внутренние органы распирало от злости, я готова была лопнуть от возмущения, которому не было предела, а он вел себя, будто ничего не произошло. Отдавал команды, которые я по инерции выполняла: ложись, спрячься за мной, ползи. Не задумываясь, потому что в голове все время звучала эта вульгарщина. Вокруг меня опять стрельба, смерть, крики, стоны, а я думаю о том, что этот хам мне предложил!

Мерзость!

Вопреки всем доводам разума, мое подвергнувшееся сильному стрессу сознание рисует картинки, как это могло бы произойти. Не верится, что я допускаю такие мысли! Он красив, безумно красив... и порочен, а я на это не ведусь.

Такая внешность бывает только у распутников! Судя по тому, что он мне предложил, Стас самый настоящий распутник, и мне не следует его поощрять!

— Может, отомрешь? Я понял, что минет мне не светит, ты ни хрена ведь не умеешь? — перезаряжая свое оружие, он на меня даже не посмотрел. Рассуждал обыденным тоном, словно поход в магазин обговаривал со мной! — Член в руках хоть раз держала? — о, я удостоилась чести, чтобы он на меня посмотрел. На его красивом лице появилась вызывающая ухмылка, рука чесалась дать ему по наглой невоспитанной роже!

— Вы просто омерзительны! — мое лицо так пылало, словно я его на солнце сожгла.

— Можно на «ты», — спокойно отреагировав на оскорбление, он мне, как дурочке, принялся объяснять: — Нет ничего омерзительного в минете, сама когда-нибудь поймешь, вредина.

— Меня зовут Юна, — говорила себе, что не стану на него реагировать, не получается. Никому не удавалась меня так вывести из себя.

— Слушай, Юна, вон там сидит снайпер, — указывает в

темноту. Откуда он там снайпера увидел? — Если мы высу-
немся, нам снесут голову. Поэтому сейчас ты спрячешься и
не будешь высовывать свой нос, пока я за тобой не вернусь,
— Стас вообще не менял тон своего голоса. Таким же тоном
он про минет рассуждал, а у меня льдистые иглы в позвоноч-
ник впились, я не могла разогнуться. Нужно себе признать-
ся: мне страшно оставаться без него. Лучше пусть он и даль-
ше говорит свои пошлости.

— Ты уходишь? — более глупого вопроса я задать не мог-
ла.

— Я вернусь, мне ведь еще награда полагается, — от его
ухмылки вновь вспыхнули щеки.

— Я не буду... — затрясла головой.

— Я ведь уже сказал, что передумал. Юна, как не стыдно?
— издевательски. — Строишь из себя святую невинность,
а сама о моем члене мечтаешь, — я чуть не задохнулась от
возмущения!

— Я не мечтаю...

— Пока меня не будет, можешь себя в этом убеждать, —
не дал ответить, я как раз собиралась обозвать его хамом.

Стас резко и совсем неожиданно подался ко мне, я да-
же отреагировать не успела, как его язык прошелся по моей
шее, задел челюсть и коснулся края губ. Меня подбросило
так, словно током ударило. Ничего подобного в моей жиз-
ни не было, сложно описать в этот момент свои чувства, но
злость вышла на первый план. Замахнулась, хотела дать это-

му распутнику пощечину, не позволил. Перехватил мою руку.

— А ты вкусная, — подмигнул. Он весь сплошная дерзость и вызов! Он состоит из порока! Пока я думала над ответом, он открыл дверь позади меня, толкнул в помещение и захлопнул дверь, оставляя меня в полной темноте...

Глава 5

Стас

Обычно я не бываю жесток с девушками, но тут прям несет. Сложно удержаться и не дразнить. Юне двадцать один, а она безобразно невинна, хочется эту чистоту хоть немного запачкать. Девушки в пятнадцать более осведомлены и раскрепощены, чем эта красивая зануда-девственница.

Обычно я заточен на результат, а тут сплошные промахи. Помню, был случай один. Мы были еще зеленые, необстрелянные (мишени в расчет не брать), только после учебки, где и решилась моя судьба, потому что лучше меня никто не стрелял на потоке. Командир (тогда еще мы не были знакомы с Багировым), предложил цель в тысячу метров, попаду – получу распределение в элитный отряд, промажу – буду долго карабкаться наверх. Я согласился. Выхожу на стрельбище, а чуть левее изготовки две голые лесбухи сосутся в десна, ласкают друг друга, ни хрена не стесняясь, член по стойке смирно, у меня несколько месяцев секса не было. Хочется туда третьим ворваться, а мне стрелять. Попал! До сих пор не верится, что смог. Свой тогда личный рекорд установил, это уже позже я его несколько раз переплюнул, но то попадание было самым ярким и запоминающимся.

А тут постоянно отвлекаюсь на милую мордашку. Я ведь сыт, Леська отлично сняла напряжение, тем и удивительнее,

что у меня два промаха.

Не думал, что дразнить девчонку так увлекательно. Предлагая мне отсосать, хотел просто отвлечь, потому что точно знал, что ее это шокирует, надеялся, не станет кричать, когда я начну палить по живым людям, пусть и из команды «плохишей». Это все равно страшно и оставляет неизгладимый след на психике. Она вообще, по-моему, ничего не заметила, так усердно сопела от возмущения. Оскорбилась до покрасневших кончиков волос.

«Как посмел этот мужлан так со мной разговаривать?» — в моей башке звучал ее высокомерный голос. На камерах будет видно, что я улыбаюсь, когда стреляю. Доказывай потом, что я не чокнутый маньяк!

Но дразнить ее оказалось настолько весело, что не смог удержаться. А потом с удовольствием сунул ее в темную подсобку, пусть посидит там с поварами и уборщицами. Принцессам полезно спуститься к челяди. Ну и туда, куда я собрался, девочек не берут, потому что я не хочу, чтобы кареглазка пострадала. У нее сегодня день рождения. Двойной, по ходу...

Снайпер меня засек метров за сто пятьдесят до его позиции. Опытный, сука!

Я еще жив, только потому что сижу за толстым стволом дерева. На провокации гондон не ведется, а у меня нет возможности к нему приблизиться. Он охотник, а я в роли кролика, только бегать так быстро, как они, не умею.

Пока сидел, убрал двух «плохишей», подобрались ко мне неосторожно. За это прилетела ответка — возле виска просвистела пуля, а я смог немного приблизиться, перебегая, пока снайпер перезаряжался. Но до него все равно еще далеко. Моя позиция заведомо проигрышная.

Но сегодня хорошим парням везет. Вся эта бойня слишком затянулась. Не рассчитывали, мудаки, что я вмешаюсь и круто испорчу им подготовленный и отточенный до секунды план. Могу собой гордиться, при всех моих косяках сумел задержать уродов, они так мечтали мне отомстить, что без командира, которого я снял одним выстрелом, забыли о времени.

Когда к клубу стали подтягиваться полиция и группа захвата, снайпер сбежал, но недалеко. Бросив на позиции свое оружие, он сделал мне подарок. Снял его прямо в машине, когда он заводил двигатель. Жить должен, ему еще показания давать.

Территорию оцепили, теперь здесь работали правоохранительные органы. Меня не сразу признали своим: руки за голову, мордой в пол. Чествовали меня не как героя. Пока разбирались, подъехали мои ребята, а главное — здесь был командир.

— Юматов, поделишься, что ты здесь устроил? — жмет мне ладонь, смотрит подозрительно. — Один веселился или с Жаровым? — обычно мы с Лехой вместе попадаем в неприятности, потому что много времени проводим вместе.

— Сегодня я один отличился. Премию ждать? — это, конечно, шутка, Багир понимает.

— Премия тебя уже ждет, — хлопнув по плечу, Яр сообщает, где лежит новая упаковка бумаги, судя по тому, сколько я тут настрелял, мне ее не хватит, чтобы отписаться. — В следующий раз не лезь на рожон. Мне другой снайпер не нужен, Стас, — хватая за затылок и сжимает. Это лучшая похвала от Багирова. Руки у него, как кувалды, у другого бы уже позвонки затрещали, а мы тренированные ребята, нам к «нежностям» командира не привыкать. За столько лет тренировок мало кто в отряде уступает ему по силе. — Твоя? — кивает Ярослав за спину.

Отмечаю, что сердце пропустило удар, когда я оборачивался.

— Моя, — прогоняя раздражение и стараясь не думать, какого хрена меня кольнуло разочарование.

Я точно знаю, что людей из той подсобки освободили, наблюдал в прицел, как выводили Юну. Думал, она решила подойти, поблагодарить. У нее есть дела поважнее, там, среди убитых и раненых, ее брат. Несколько карет скорой помощи не успевают оказать всем помощь, в первую очередь эвакуируют тяжелораненых. Территория оцеплена, но переживающие родители все равно умудряются прорваться. Попробуй останови депутата или бизнесмена, который каждую субботу лично бухает с министрами.

Мне хочется скорее свинтить отсюда. Ближайшие пару

недель меня не только контора будет дергать, но и следственный комитет. Свои данные я оставил. Нужно ехать домой и попробовать отоспаться. Желательно выпив чего-нибудь крепкого, чтобы точно уснуть.

Мы переглядываемся с Леськой, она не решается подойти. Стоит там, мнется, трясется. Перенервничала девчонка.

— Сюда иди, — махнув рукой, вдруг из-за воя сирен не услышит. Успокоить ее надо, напоить немного и домой отвезти.

У Леськи глаза заплаканные. Вижу, что за меня все это время переживала, а я, сволочь, без нее хотел уехать. Обнимаю, прижимаю к себе, целую в висок. Стандартный набор успокоительных действий для женщины, пережившей стресс. Жду, когда ее прорвет. Почти минуту продержалась, а потом потоком слез намочила грязную футболку. В потоке причитаний вычленил: «я так тебя люблю, Стас».

Спасибо, но вот этого всего не надо. Недолго я грузился, уже следующим предложением Леська меня успокоила.

— Жаль, что ты бедный, отец меня не отдаст за тебя замуж, — всхлипывая, она продолжала исповедоваться: — Но я уже решила, что мы будем любовниками. Трахаться с лучшим мужчиной на свете мне даже муж не запретит.

Мне возгордиться? Поражаюсь способности некоторых людей делать комплименты, одновременно унижая. Я не в обиде, жениться на Леське все равно не планировал. Да и любовником ее по гроб жизни быть не обязан.

— Идем, я отвезу тебя домой, — как только она немного успокоилась. Хочу скорее добраться до своего дивана. Время пятый час, уже начинает светать.

Приобняв ее за талию, веду к воротам, там припаркована моя тачка. Мимо проезжает уже знакомый автомобиль. За рулем Юна, она даже не взглянула в мою сторону, пронеслась следом за каретой скорой помощи. Видимо, у Михаила появился шанс...

Глава 6

Стас

Ровно в два часа открываю глаза, словно под будильник проснулся. Несколько часов сна пошли на пользу, но голова все-таки тяжелая. Рядом спит Олеся, отказалась ехать домой к родителям, хотя я предлагал отвезти.

— Мне страшно, Стас. Побуду с тобой немного, с тобой не страшно, — вцепилась в руку и не отпускала до самого дома. Рухнули и сразу уснули.

Опустив ноги на пол, тянусь за телефоном. Количество звонков и сообщений переваливает за сотню. Хорошо, что я додумался отключить звук, когда падал на диван.

Лишившись тепла, Олеся тянет на себя одеяло. Растерев лицо рукой, поднимаюсь и иду в душ, потом всем буду перезванивать. Холодные струи воды бодрят не хуже кофе.

Обмотав бедра полотенцем, топаю на кухню за чашкой кофе. Хочется есть, но я вряд ли что-нибудь найду в своем холодильнике, даже повесившуюся мышь. Обычно ем в городе или обхожусь доставкой, не рассчитывал, что в обед окажусь дома, поэтому ничего не взял вчера.

Кофе закончился. Нужно топать в ближайший супермаркет, это быстрее, чем ждать доставку. Леська не реагирует на мои сборы, а я не пытаюсь быть бесшумным.

На улице накрапывает мелкий дождь, обещая в любую ми-

нута сорваться стеной ливня, но я все равно решаю идти пешком. Просто хочется. Хочется подышать предгрозовым воздухом.

От ребят слова поддержки. Жаров прикалывается. Просит в следующий раз взять его с собой.

Набираю Багирову, потому что от него самое дельное сообщение.

«Вырубай звук на телефоне, ложись спать. Я прикрою. Проснешься, набери».

— Секунду, Стас, мелкого Але верну, — произносит он в трубку.

Улыбаюсь, слушая их с женой разговор. По-хорошему завижусь командиром, правильная у него девочка. Я ведь первый ее «разглядел», зацепила тогда, чуть дров не наломал, готов был с Багировым закуситься, но Батя правильно подсказал:

— Не твоя она женщина, Стас. Свою ты еще встретишь. Понаблюдай за нашей Алей, брыкается, бежит от Ярослава, а смотрит только на него. Не лезь в чужое счастье.

Я и не полез. Правильно сделал, отпустило меня быстро. Как только на гражданку вернулся, понесло по любимым значным местам, смылась новизна любовных чувств. Там, на войне, все по-другому воспринимаешь, живешь одним днем, дышишь так, словно это последний глоток воздуха, и он самый вкусный, чувствуешь острее. А на гражданке проверку на чувства не все проходят. Я не прошел.

А Багиров с Алькой до сих пор друг на друга смотрят так,

что парни по-хорошему завидуют. Каждому мужику хочется возвращаться туда, где тебя на пороге встречает любимая женщина. Ждет. Любит. Что-то рассказывает с придыханием, пока накрывает на стол, а ночью вся твоя, без остатка – и душой, и телом. Мелкого от такой женщины хочется, потому что правильная, только твоя и должна рожать от тебя...

Старею, все чаще накрывает внутренней неудовлетворенностью и чувством одиночества. А на этих голубков посмотришь, задумываешься о семье. Обычно это проходит, как только меняешь вектор своих мыслей.

— Стас, заедешь к следакам, там все утрясли, но показания надо дать. Тебя светить не будут, но бумажки правильные придется составить, чтобы все срослось, и вопросов в суде не было. Записи с камер удалили. С руководством поговорил, отписываться не придется, раз все разрулили, но объяснительные потребуют. Ты, когда со следователями порешаешь, набери, я сейчас в контору подтянусь.

— Договорились, — отбиваю звонок.

В магазине беру капсулы и небольшую банку растворимого кофе для подстраховки. Не всегда есть желание бежать в супермаркет, как сегодня. Закидываю в корзину свежие стейки, овощи, макароны и две пачки самых дорогих пельменей – тоже для подстраховки. Что-то съедобное должно лежать в холодильнике, когда я голодным возвращаюсь домой.

Успеваю возвратиться домой, не попав под дождь, зава-

риваю крепкий кофе. Пока он немного остывает, закидываю на сковороду два стейка. Леська проснется, нужно ее покормить. Обычно женщина готовит мужику, но это не наш формат. Хотя было бы приятно, но, мне кажется, она даже готовить не умеет.

Прежде чем выдвинуться, бужу Леську, сообщаю, что уезжаю, обед на столе.

— Будешь уходить, дверь захлопни, — она давит зевок, просто кивает. Не проснулась до конца.

Через три часа я в конторе. Задержали следаки, там вроде все утрясли. Команда сверху пришла. Мне же лучше, меньше писанины. Напрягает немного незнание всех фактов, кто за всеми этими рокировками стоит. Я не претендую на внеочередное звание и награды, но все это как-то очень подозрительно. Дело не замнут, не тех людей тронули. Посадят кого-нибудь, а потом будут искать заказчиков и очень сильно мстить. Тут войной пахнет. Мне бы хотелось выяснить, кто стоит за нападением на Юну.

Вот зачем? Мне не стоит лезть в это дело. О ней есть кому позаботиться. Девочка далеко не сирота. Наши пути не пересекутся больше.

Позвонил Багиров, предупредил, что ждет у Сниткова. Голос напряженный.

— Что случилось? — вроде утрясли все, что могло случиться за полчаса? Опять там, наверху, переиграли?

— Тут руководство собирается сделать тебя телохраните-

лем, — выдает он ровным голосом, и я понимаю, что разговор происходит при Сниткове.

— Ты о чем? — ночь была тяжелая, нескольких часов сна не хватило мозгу, чтобы отдохнуть, я торможу и не врубаюсь, о чем говорит командир.

— Отец девчонки, которую ты спас, настаивает на твоей кандидатуре, — я даже думать не хочу о таком повороте событий.

— Багир, не допусти беспредела, я на такое не подпишусь, — жестко отрезаю.

— Сделаю все, что смогу, — отбивает звонок, я как раз подъезжаю к конторе. Немного выжидаю, даю время Багирову утрясти вопрос со Снитковым.

С разрешения вхожу в кабинет. Полковник выходит из-за стола, протягивает руку, жмет. Он суров, преследует в первую очередь свои цели, но мужик относительно нормальный, своих прикроет перед начальством, но сам вставит пистонов, мало не покажется. Боевой полковник, служил в спецвойсках, нехилый опыт за плечами. Ребята его уважают, хоть и не всегда соглашаются с его решениями.

— Юматов, ты задолбал, — усмехаясь, мотает головой. — Не живется тебе спокойно?

— Товарищ полковник... — выдерживаю паузу, жду, что перебьет, мне нечего ему сказать, сам все знает и понимает.

— Устал ваши задницы прикрывать! Ну что вы вечно геройствовать лезете? — вопрос риторический, я отвечаю

шуткой:

— Профдеформация.

— Ты мне поговори еще! — не злится, просто держит марку. Начальник на то и начальник, чтобы подчиненных гонять. — Весь отряд подставил, еще и выделяется, — возвращается к столу, перекидывает бумажки на край, которые ему резко стали мешать.

— Что значит подставил? — я же говорил, что торможу. Сейчас еще и напрягаюсь, перевожу взгляд на Багирова, командир сидит в кресле напротив стола.

— Оставил отряд без второго снайпера. Будешь теперь дочь Серебрякова охранять, распоряжение пришло сверху, отменить не могу, — глядя на моего командира, разводит руками.

— Мы не охранный агентствo, — выжимаю из себя сквозь зубы. — Мы штурмовая группа спецподразделения, — по слогам.

— Ты мне это говоришь? Я знаю. Но ты, видимо, забыл? — разворачивает монитор, на котором видно, как я вытаскиваю Серебрякову, прикрывая собой...

Глава 7

Стас

Нарезка в пару минут, кадры слепили так, будто я любимою женщину из-под огня вытаскивал. Слепить из говна конфетку наша пресс-служба и технари могут.

— Надеюсь, кроме вас это видео больше ни к кому не попадет? — морщусь, как от зубной боли.

— Ни к кому, это для личного пользования, — ухмыляется полковник. — Мы там много чего удалили, кому надо — увидят только твои профессиональные действия. Морду твою, кстати, мы тоже затерли. Слишком много заинтересованных в этом деле лиц, — чешет голову, осматривается, будто что-то забыл сказать. — Я сейчас вернусь, — Снитков выходит, оставляя нас с командиром.

Багиров сидит в кресле, сжимает и разжимает кулаки. Говорящая пауза между нами, я отчего-то злюсь, что он не отстоял меня. Не смог? Яр поднимается, смотрит в глаза.

— Ты не можешь отказаться, Юматов, — давит на меня голосом командир. Отравляя душу, внутри расплзается тихая ярость. — Серебряков настоял на твоей кандидатуре, руководство дало добро.

Знаю, как он настоял! Полную кормушку бабок отсыпал! Они ведь могли кого угодно взять, зачем я им понадобился?

— Я же просил... — выдавливаю сквозь зубы, хотя злить-

ся нужно только на себя. Чувствовал ведь, что не стоит лезть в это дело! Зачем вмешался?

— Сделал все, что мог, но позицию ее отца пошатнуть не вышло. Ты спас девчонку, тебе с ней возиться, — произносит Багиров. — По крайней мере, должно все выглядеть так, будто ты ее телохранитель.

Последняя фраза настораживает, по напряженному взгляду Яра понимаю, что ему тоже это не нравится.

— В доме Серебряковых ты работаешь как агент, — произносит он после короткой паузы.

— Мы должны знать обо всем, что там происходит, — входит в кабинет Снитков, слышит последнюю фразу Багирова и тут же ее дополняет. — Все ведомства поставили на уши, даны особые указания. У нас больше сорока трупов, четырнадцать из которых гражданские. Их может стать больше, девять человек в тяжелом состоянии, больше двадцати раненых. То, что Серебрякова заинтересовала твоя кандидатура, нам всем на руку, нам нужен человек в его доме.

— Я не подхожу для этой роли, я снайпер, а не нянька, — они не понимают, насколько мне не хочется лезть в это дело. У меня в голове до хрена причин этого не делать, но против приказа не попрешь. Я никогда не работал под прикрытием, но в теории знаю, что от меня требуется. Но мне просто не хочется это делать.

— Отчитываться будешь лично Левашову, — прямо смотрит мне в глаза Снитков, напрягает скулы. Еще и с генера-

лом лично общаться, блт! Зашибись, спас девчонку! — Те девять... что в реанимации, среди них его племянница, — выдает полковник нехотя. Теперь понятно, кто меня рекомендовал в телохранители. Вряд ли Серебряков до этого сам додумался. — Юматов, врубись уже, что это наше личное дело. Левашову нужны головы тех, кто это организовал. И не только Левашову. Нас, следakov, прокуратуру... Сейчас во все щели будут нас иметь, пока не дадим результат. Свободны, — отмахивается Снитков, когда его телефон начинает трезвонить.

Выходим в коридор, хочется закурить, а лучше разметать боксерскую грушу в клочья. На это времени нет, прямо сейчас у меня встреча с заказчиком. Он меня уже ждет. Пока идем к моей машине, обсуждаем с Яром ближайшие действия.

— Стас, у Серебрякова своя проверенная служба безопасности, — пока мы идем в его кабинет, произносит Яр. — Просто так к ним не попасть, я до сих пор не знаю, как Левашов уговорил Серебрякова, но нам это на руку, — коридоры пустые, но мы все равно говорим тихо. — Твоя задача устроить туда пару наших парней. Мне будет спокойно, если кто-то из наших прикроет твою задницу.

— Хакера подключил? — включаюсь в работу, хотя все во мне противится. Мне нравится быть снайпером, где есть только я и винтовка, а не вот это...

— Все, что ему удастся нарыть, я тебе сброшу на почту.

Звони в любое время. Служба безопасности Серебрякова где-то облажалась, нужно будет прикрытие, ставишь нас заранее в известность, мы подстрахуем.

Прощаемся, сажусь в машину и срываюсь с места. Бессмысленно тянуть кота за хвост, выбора у меня нет. В бардачке нахожу пачку с двумя оставшимися сигаретами, прикуриваю одну, опуская стекло до конца, позволяю ветру бить в лицо.

Телефон загорается на приборной панели. Звонит Леська, я не поднимаю. Не в настроении поддерживать пустой треп. Второй звонок тоже игнорирую. Вверху дисплея высвечивается сообщение, я не открываю, но могу прочитывать несколько первых слов:

«Что заказать на ужин?»

Леська сообщает, что не уехала, вечером меня ждет не только ужин...

Заинтересован?

Я не отпустил ситуацию со своим новым назначением, поэтому сейчас настроения трахаться нет, но Леське я все равно не отвечаю.

Доезжаю до особняка Серебряковых минут за сорок, еще почти столько же жду, пока меня пробьют и проводят в его кабинет. Пока ждал во дворе, прошелся взглядом по всем камерам в радиусе видимости, отметил пару слепых зон – и это только перед домом.

Серебряков поднимается из кожаного кресла, когда я вхо-

жу кабинет, подходит, протягивает руку. Пиджак небрежно валяется на угловом диване, там же и галстук, верхние пуговицы рубашки расстегнуты. Вид помятый, под глазами мешки. На столе открытая бутылка бренди, где отсутствует добрая половина янтарной жидкости. Стресс мужик снимает.

— Я рад, что вы согласились охранять мою дочь, — произносит он после того, как внимательно меня разглядел.

— Должен быть с вами откровенным, я не телохранитель.

— Я в курсе, Петр меня предупредил, но он так же сказал, что любой боец из вашего отряда справится с этой задачей лучше, чем профессиональная личная охрана, я склонен ему верить, — морщится, словно от боли. Да, вчера всю личную охрану положили...

Серебряков поднимает недопитый стакан и делает глоток.

— Покушение было на Юну, вы должны сделать все, чтобы защитить мою дочь. Ее жених хотел ее забрать к себе, но Юна заупрямилась, отказалась, — то ли он уже поддатый, то ли до сих пор нервничает, но, пока говорит со мной, постоянно расхаживает по кабинету. У меня была тяжелая ночь, непростой день, голова болит, еще и он мельтешит. — В этот раз я вынужден был с ней согласиться, мы не знаем, кто хочет ее убить, я не могу сейчас никому доверять. Игорю я, конечно, доверяю, но у него есть недоброжелатели, как и у каждого из нас, — у Гаранина их должно быть много, он ведь сволочь мудачная. На этой работе я вынужден буду с ним столкнуться... — Юристы подготовили договор, ознакомь-

тес и подпишите, — протягивает мне файл.

— Я присяду? — читать стоя неудобно. Меня воспринимают как обслуживающий персонал, отношение соответствующее. Только я к этому не привык, несмотря на поставленные задачи, пресмыкаться не буду.

— Да, да, конечно! — сначала он опешил от моего вопроса, потом что-то там сообразил.

Стандартный образец. Беру со стола карандаш и вношу в договор несколько правок. Серебряков застывает со стаканом в руке, смотрит, как я чиркаю карандашом. Да, я не только на курок умею нажимать.

— Отчитываться буду лично вам. Больше никому в этом доме я не подчиняюсь. Служба безопасности прислушивается и не оспаривает мои решения, касающиеся безопасности объекта. Сопровождение вашей дочери мод моим личным контролем, когда она дома, а я отдыхаю, рядом с ней будет мой человек, потому что ему я доверяю, вашим людям — нет. Здесь вписана стандартная зарплата телохранителя, мои услуги стоят дороже, — исправляю сумму, протягиваю ему файл. — Когда ваши юристы внесут изменения, мы сможем подписать договор.

— А если я не соглашусь на ваши изменения? — приходит в себя и хмурит брови.

— Мы пожмем друг другу руки и разойдемся, — я спокоен, потому что он уже согласился.

— Хорошо, тогда... — не успевает договорить, в дверь,

тихонько постучавшись, входит Юна.

Ее не портят даже домашняя одежда и синяки под глазами. Красивая, зараза. В этих тонких брючках видна ее округлая задница, мысленно я помещаю ее в свои ладони и чувствую, как дергается член в штанах. Мазнув по мне равнодушным взглядом, будто впервые видит, обращается к отцу:

— Ты хотел меня видеть?

— Да, Юна, проходи. Ты же помнишь Стаса? Он вчера спас тебе жизнь, — ну давай, посмотри на меня и выкажи хоть какую-то признательность.

— Спасибо, — даже в глаза не посмотрела.

Будит она во мне все «самое хорошее». Вот не надо этого делать, я и так на взводе с этим назначением, еще ты меня бесишь, Снежная Принцесса!

— Стас теперь твой новый телохранитель...

— Мне не нужен телохранитель, можешь сразу его уволить, — спокойным, можно сказать, ласковым тоном перебивает, а голос прямо звенит ото льда. Сучка!

Глава 8

Юна

Заглядываю в кабинет отца, вижу этого пошляка...

Забываю, как правильно дышать, взять себя в руки не успеваю, но из последних сил стараюсь выглядеть равнодушной. Ноги подгибаются, в голове звучат все эти грязные фразы хриплым, пробирающим до мурашек голосом. Не думала, что мы еще когда-нибудь встретимся. Предпочла бы ту ночь оставить в прошлом. Как только я начинаю вспоминать об убийствах, крови, панике, удушающем страхе и боли, образ этого пошляка приходит на помощь. Выплывает из глубин сознания и меняет вектор моих мыслей. Порой я себя за них ненавижу, но они спасают, не дают кошмарам выползать и душить меня.

Игорь, даже находясь в командировке, пытается управлять моей жизнью, чем невозможно злит, но все свои эмоции я прячу под толстым панцирем наигранного спокойствия. Нападение на меня – не такой важный повод, чтобы возвращаться в Москву, не завершив переговоров. Гаранин считает, что все закончилось «хорошо», а с налетчиками он разберется, как только их задержат. Подключит все свои связи, чтобы они получили максимальный срок. Для женщины намного важнее, чтобы любимый мужчина был рядом, обнимал и успокаивал, но Игорь не мой любимый мужчина, мне

не нужно его присутствие. Его отношение яснее слов говорит, кто я для него.

Я — достойное яркое приложение к молодому успешному бизнесмену Игорю Гаранину. Поддержать не приехал, но уже договорился с каким-то крутым психологом, чтобы тот поработал со мной, оказал профессиональную помощь.

— Мне не нужно, чтобы с тобой случился какой-нибудь припадок после пережитого, — сухо, без эмоций говорит он мне по телефону. Я даже представляю, как он смотрит на часы, я отбираю у него драгоценные минуты. — Случись какой-нибудь флешбек, если официант громко откроет бутылку шампанского, ты можешь опозорить меня перед конкурентами или деловыми партнерами, — отчитывает за то, чего даже еще не произошло. Репутация — наше все! Не знаю, зачем мне нужен психолог. Экстренная психологическая помощь в лице одного голубоглазого красавца прекрасно справляется с посттравмой, но я об этом, конечно, никому не расскажу. — Юна, — продолжает Игорь, — ты поняла меня? Будешь встречаться с психологом два раза в неделю!

— А если не поможет? Дома меня в смирительной рубашке будешь держать? — обычно я не огрызаюсь, от этого возникает много проблем с отцом, но сегодня не могу удержать язык за зубами, слишком много я пережила. Психика и так перегружена, а тут вновь на меня оказывают давление.

— Не смей со мной так разговаривать, — предупреждающе цедит слова сквозь зубы. — После свадьбы ты забудешь,

как мне дерзить, — его холодный голос иглами проникает под кожу. Пожаловаться мне некому, некому за меня заступиться. Мишка пытается поддержать, но что он может? Отец никогда не будет прислушиваться к этому доброму шалопаю, который сейчас лежит в реанимации и борется за жизнь. Я просто сбрасываю звонок Игоря. Потом я об этом пожалею, но это будет потом. Сегодня я хотела тишины, не получилось...

Мало мне отца и Игоря, еще и этот...

При свете дня Стас выглядит еще внушительнее и опаснее, от него веет недовольством и холодом. Его взгляд просто прожигает меня насквозь, рубит на мелкие кусочки, а потом сжигает. Стараюсь не показывать, как меня это задевает. Он меня спас, рисковал своей жизнью, хотя не должен был, а сейчас транслирует мне свою ненависть. Это ведь ненависть в его бирюзовых, словно Индийский океан, глазах?

Вдруг из-за меня погибла Леська? Они ведь вместе пришли на мой день рождения. У них, наверное, любовь...

Отмахиваюсь от этих мыслей, потому что точно помню, как они обнимались с Олесей, когда я мчалась за каретой скорой помощи, которая увозила Мишку.

Стараюсь вести себя вежливо и максимально сдержанно.

— Стас теперь твой новый телохранитель, — ровный голос отца взрывается в голове.

— Мне не нужен телохранитель, можешь сразу его уволнять, — как только осознаю сказанное, тут же отказываюсь.

На Стаса не смотрю, я не выдержу его взгляда. Я просто кожей чувствую волну его недовольства. Пусть не думает, что я в восторге от его грешно-красивой рожи и накачанного, тренированного тела. Свои пошлые намеки и шуточки пусть адресует Олесе, видимо, ей такое нравится. Щеки начинают теплеть от смущения, потому что стоит признаться, что его пошлости не оставили меня равнодушной.

— Юна, Игорь согласился, что тебе нужен личный телохранитель. Пока не найдут заказчика нападения, я не могу никому доверять. Станислав прямо сейчас приступит к своей работе. Не противься, Игорю это не понравится, — тише заканчивает он. От его скрытой угрозы по коже рассыпаются ледяные искры, они вымораживают все нервные окончания.

Мне хочется закатить глаза и сказать, куда бы я хотела, чтобы Гаранин пошел, но любой мой бунт будет жестко подавлен. Приказ закрыть меня в комнате и не давать еды — не то, чего я боюсь. Паническую атаку вызывают «успокоительные уколы», после которых я становлюсь безвольной куклой. Отцу нужен мой брак с Гараниным.

— Хорошо, пусть приступает к своим обязанностям, — наверное, я сейчас говорю, как избалованная высокомерная стерва, но за этим образом мне легче всего сейчас спрятать свои настоящие эмоции. — Я собираюсь оставаться дома, — оборачиваюсь к своему телохранителю, но специально не смотрю в его глаза, мой взгляд остановился на его подбородке. Отмечаю, что он у него мужественный и упрямый, а губы

кажутся очень чувственными...

Незаметно сглотив, запрещаю себе смотреть теперь и на его губы.

— В больницу не поедешь? — спрашивает отец.

— Мне обещали позвонить, как только Михаил придет в себя. К нему не пускают, поэтому нет смысла подпирать дверь реанимационного отделения, — папа соглашается, едва заметно кивает. Он не переживает за Мишку, взял в свой дом сына сестры, когда та умерла, но каких-то родственных чувств никогда к нему не испытывал. Чему удивляться, папа и меня не любит, я для него средство для достижения более высоких целей.

— Вызову юриста, пока они составят новый договор, вы можете пообщаться. В гостиной, — кивает на дверь. Вместо того, чтобы позвонить юристу, берет стакан с недопитым алкоголем и опустошает его одним глотком. Я первой иду к двери, но голос отца заставляет нас задержаться: — Стас, у тебя женщина есть? Постоянная... Любимая там?.. — папа машет раскрытой ладонью, этим жестом словно выказывает пренебрежение. Впрочем, так и есть. Разве может женщина быть любимой?

— С какой целью интересуетесь? — внешне кажется, что мой телохранитель спокоен, но только я украдкой наблюдаю за ним и увидела, как в хищном оскале дернулись губы. Я могла бы ответить, но чем меньше мы будем общаться и лезть в жизнь друг друга, тем лучше. Пусть сам рассказыва-

ет о Лесе.

— Юнона Евгеньевна красивая девочка, не вздумай на нее запасть, — папа хоть и улыбается, пьяно трясая указательным пальцем перед лицом Стаса, но в его глазах и тоне предупреждение. — Не вздумай смотреть на нее как на женщину, она принадлежит Игорю Гаранину.

Разве можно унижить сильнее? Я терпеть не могу, когда он называет меня полным именем. А тут еще «принадлежу», будто вещь. Оказывается, можно задеть сильнее...

— Не переживайте, Евгений Борисович, ваша дочь не интересуется меня как женщина, — эти красивые губы искажает ухмылка.

Глава 9

Стас

За три дня мне удалось внедрить к Серебрякову команду из трех человек. Багиров уверял, что это будет сложно. Проблем не возникло. Предоставил неоспоримые доводы, мужик согласился. То ли стресс, то ли он действительно перестал верить своим людям, подозревая, что предатель среди них. Крысу ищем, пока безрезультатно.

В доме могу находиться только я. Если меня нет – Жаров. Мечник и Хакер приезжают на работу к семи утра, остаются в домике охраны. Налаживают контакты, пробивают парней, собирают информацию. Их задача – обеспечивать прикрытие, если объект на выезде. Это самая непыльная работа, которая у нас была. За три дня мы ни разу не покинули пределов особняка. Я свой объект видел от силы раз шесть. Целых три раза мы поздоровались. Все.

Никаких встреч с друзьями, походов в торговый центр за шмотками, прогулок. Напоминает принцессу в золотой клетке. Она не завтракает и не ужинает с отцом. Наблюдая за их общением, прихожу к выводу, что они чужие друг другу люди. Мне это очень знакомо, поэтому порой приходится душить в себе чувство жалости. Мне нахрен не нужно лезть в их отношения. Один раз полез спасать, вот разгребая. Скоро у Юны свадьба, там пусть муж решает их семейные пробле-

мы. Хотя... Гаранин та еще сволочь, могла бы выбрать кого получше.

Тянусь к чашке остывшего кофе, который стоит на журнальном столике. Это уже третья чашка с утра. Бессонная ночь, ранний подъем и ничегонеделание можно глушить только кофе. Нужно предупредить Серебрякова, что я каждый день на пару часов буду занимать спортзал, а то жиром тут заплыву.

Хакер скидывает на почту информацию по одному из парней, пишет: «Чист», но я все равно просматриваю. Входящее сообщение от Леськи смахиваю с экрана. Заканчиваю читать отчет, открываю.

«Мы сегодня с Кариной сегодня идем в клуб «Лагуна», подтягивайтесь с Лешкой после работы. Потом можем поехать к тебе».

Думаю несколько секунд, пишу ответ.

«Сегодня я буду спать. Отдыхайте, девочки».

Леська каждую ночь спит у меня. Удивительно, что еще не начала вещи перевозить. Хрен поймешь, что у нее в голове. То отказывалась сблизаться, то претендует на каждую совместную ночь. Не спорю, удобно, что красивая сексуальная девушка всегда под рукой. Готовить не умеет, но освоила доставку, старается накормить мужика. В постели тоже голодным не оставляет. Может, будь Леська из семьи простых смертных, я бы пригляделся к ней повнимательнее... Хотя нет, не присмотрелся бы. Нет в Леське стержня, нет верно-

сти, простоты человеческой... Да много чего нет. На хорошем сексе брака не построишь.

Тихие шаги привлекают внимание. Я знаю, кому они принадлежат. Уверенные шаги в тот момент, когда в доме нет хозяина, и почти бесшумные, мягкие, когда Серебряков возвращается с работы. Стараюсь не думать, почему она так себя ведет, но выводы настырно лезут в голову. Выключаю экран телефона, жду, что она пройдет мимо.

— Станислав, — впервые обратилась по имени. Красивый голос натянул жилы до предела. Странная реакция организма. — Мы можем выехать через час? — спрашивает она, оставаясь за спиной. Допив остывший кофе, поднимаюсь на ноги. Я привык разговаривать, глядя собеседнику в глаза, даже если он против.

— Через час можем, я организую выезд, — я предупреждал, чтобы Юна о всех своих планах сообщала заранее. Приятно, что считается, не ведет себя, как борзая мажорка. — Куда поедем?

— В центр психологической помощи, — называет адрес и время. Юне нужна психологическая помощь? Серебряков мог предупредить, у нас отличные спецы, которые на этом собаку съели. Рекомендации решаю оставить при себе: чем меньше буду лезть в ее жизнь, тем лучше. Мне нужно продержаться, пока поймают заказчика, потом наши пути разойдутся навсегда.

Разворачивается и уверенной походкой идет к себе соби-

раться. Все это время я слежу за ней, поэтому вижу, что она вытирает ладошки о джинсы. Не так спокойна, как пытается казаться.

Не интересует меня как женщина...

Я ведь не слепой! Как она может не интересоваться? Тянет постоянно на ее смотреть. Вот вроде в скромной одежде, не выпячивает прелести, но я же все равно вижу, дорисовываю в воображении, хочу сравнить свои представления с реальной картиной. А еще хочется ее вновь разозлить, заставить эти красивые глаза полыхать гневом. У меня от ее голоса встает, будто не трахал всю ночь Леську.

Отдаю парням поручения. Мечник готовит тачку. Нам выделили бронированный «Мерс», но качество брони меня не устраивает, конечно. Достать нормальную тачку в короткие сроки – проблема. Серебряков обещал заказать в Эмиратах, но там ждать очередь от трех месяцев. Хакер ищет подержанную, но такие тачки обычно на продажу не выставляют.

Куда мы направляемся, знают только мои ребята. Охрану Серебрякова в известность не ставлю. Вторая машина для прикрытия не помешала бы, но опасаясь утечки. Будем справляться своими силами. Если что, Багиров подстрахует, он в курсе.

Леха протягивает открытую пачку сигарет, я отказываюсь, парни быстро курят. Как по команде поворачиваются к крыльцу, когда из дома выходит Юна. Их Серебряков тоже предупредил, чтобы не облизывались на его дочь, но слепых

и импотентов среди нас нет.

Напоминаю себе, что Юна – моя работа. Пусть манкая и притягательная, но всего лишь работа. Мы садимся сзади. Отмечаю, как Юна отодвигается к самой двери, увеличивая между нами расстояние. При парнях проглатываю вызов. Всю дорогу я сосредоточен, контролирую каждую проезжающую рядом машину, не отвлекаюсь на ее красивое личико. Она все время смотрит в боковое окно, ни разу не посмотрев в нашу сторону. Идеальный объект для охраны, тогда почему же так злит?..

Доезжаем до центра. Лешка с ней в машине, Мечник осматривает здание, я – ближайшие высотки. У администратора выясняю ее график посещения психолога. Легко получаю информацию. Чем нам это грозит? Правильно, тотальным пздцом. В следующий раз нас могут ждать снайперы. Удивительно, что сегодня обошлось без них. Залегли на дно после неудачного покушения?

— Чья была идея посещать этот центр? — интересуюсь у Юны, когда мы идем к кабинету психолога. Я раздражен, для профессионального телохранителя веду себя непозволительно. И хрен с ним. Серебрякову ведь результат нужен, а не понты.

— Для чего тебе эта информация? — моя резкость не остается незамеченной, Юна выпускает коготки. Такой она мне нравится больше. В душе поднимается азарт.

— Хочу узнать имя мудака, который тебя подставляет.

— Он не может... это не он, — не могу понять, почему ее голос пропадает. — Мой жених настоял на посещении психолога, отец с ним согласился, — по тому, как быстро выдыхает предложение, как отводит в сторону глаза, понимаю, что нервничает.

— Он тебе нужен?

Хлопает глазами. Про такие глаза говорят, что они блядские. Не врут.

— Кто?

— Психолог, — Юна оглядывается, словно боится, что наш разговор подслушают. Едва заметно мотает головой. — Сегодня ты здесь первый и последний раз, психолог может приезжать домой, если он так необходим. Постараюсь донести до Серебрякова, когда вернемся, — не верит, что получится. Глаза тускнеют. Я знаю, как их зажечь. Камеры звук не пишут, я проверил. — Думаю, ты бы быстрее пришла в себя, изучая технику минета, чем вот это все, — киваю на дверь, за которой сидит гуру психологии. — Я ведь прав? — подмигиваю, получая нереальный кайф от ее зардевшихся щек.

Глава 10

Юна

Стас он одним своим присутствием крушит мое спокойствие. Я и раньше старалась не пересекаться с отцом, выходила из комнаты, когда он был на работе или ложился спать. Не зовет на разговор в кабинет – здорово, можно и две недели не пересекаться. А теперь из-за навязанного телохранителя я и вовсе сидела в четырех стенах. Во дворе был прекрасный бассейн, но он уже несколько лет напоминает памятник, в нем только Мишка купался. Отец не увлекается плаванием, мне запретил Игорь. Увидев однажды, как мы с братом загораем, он приказал отцу уволить всю охрану, что дежурила в тот день. Не знаю, где он там заметил, что они за мной подсматривали?

— Прекращай вести себя, как дешевка, которая желает привлечь внимание мужчин, — произнес он тихо, я помню, как ледяными мурашками покрылась кожа от его тона. — Только на мое внимание ты должна рассчитывать, поняла? — как же сложно было в тот момент заставить себя кивнуть. Меня сжигало желание плюнуть ему в лицо, но я понимала, что не вынесу последствий такого поступка.

Отец и Гаранин лепят из меня «правильную» жену. Вот и сейчас я хотела проигнорировать требование Игоря – ходить на консультации к психологу, но мне об этом напомнили в

жесткой форме. Пришлось опять проглотить. Когда-нибудь я помру от интоксикации негативных эмоций. Мне страшно думать о том, что будет со мной после свадьбы...

Мы едем в машине. Стас с ребятами негромко переговариваются, обсуждают маршрут, всматриваются в подозрительные, по их мнению, тачки, потом расслабляются, мы спокойно едем дальше. Мысленно отмечаю, что эта поездка доставляет мне удовольствие. Странно даже. Я вжалась в боковую дверь и всю дорогу смотрю в окно, но при этом мне спокойно и комфортно в обществе этих ребят. Охрана отца и Гаранина – церберы, которые служат интересам своих боссов. Эти ребята другие. Не могу пока понять, чем они другие, но с ними мне комфортно.

Стас провожает меня до кабинета психолога. Пустые коридоры дорогого центра действуют на меня угнетающе. Мне не хочется туда идти, заставляю ноги передвигаться.

Со Стасом выходит спор. Он подозревает Гаранина в покушении, но я точно знаю, что это не он. Игорь не будет рисковать своим проектом, а я именно проект, в который он вкладывает свои любимые денежки. Этот проект должен принести дивиденды в виде наследников. Гаранину нужна красивая кукла, которой можно хвастать перед партнерами. Моя смерть точно не входит в его планы.

А потом Стас все испортил. Благодарность за то, что я в первый и последний раз приехала в этот центр, тает на губах.

Хватаю воздух от возмущения. Как?! Как он это делает?!

Выбивает выстроенное часами спокойствие из-под ног легким щелком обыкновенной пошлости, поднимает в душе бурю возмущения, при этом расслабленно и с улыбкой наблюдает за моей реакцией. Если жениху и отцу я не могла дать отпор без последствий для себя, то терпеть еще одного муд... мужика не собиралась.

— С чего ты взял, что я этими техниками не владею? — не верю, что это я сейчас произнесла. Мои щеки словно кипятком облили, так горят. — Я могу диссертацию на тему минета защитить, — шиплю ему тихо в лицо.

— Вау, — не верит, конечно, поэтому и усмехается. Кривит свои красивые пухлые губы в дерзкой усмешке, в глазах демоны пляшут. — Рад за тебя. Только минету не по книжкам учатся, Юнона Евгеньевна, тут практика нужна. Так и быть, пожертвую своим членом ради науки, — подмигивает мне. — Сосите в удовольствие, — указывает на выпирающую ширинку. Не прям вот выпирающую, но обозначающую, что наш разговор оставил в его душе след. Точнее, не в душе...

Все! Бесполезно с ним спорить. Он надсмехается над моей неопытностью и даже этого не скрывает. Я целоваться-то толкаем не умею, выгляжу по всем фронтам дилетанткой рядом с ним. Леська наверняка все умеет. При мысли, что они всем этим не на словах занимаются, а на деле, стало почему-то неприятно.

— Чтоб тебе его откусили! — буркнула не очень громко.

Стас смеется.

— Если только такая неопытная, как ты. Закончится консультация, позовешь, — уже другим тоном. — Поговорю с твоим психологом, — он совсем не ведет себя как телохранитель! Легко переходит на «ты», командует. Злит нереально просто! Развернулась и ворвалась в кабинет психолога, забыв постучаться.

— Здравствуйте... — блин, еще и имя этого психолога забыла...

Стоит ли говорить, что эта неприятная консультация протекала мимо меня? Александр Германович наверняка решил, что у Гаранина недалекая невеста, которая не в состоянии ответить на элементарные вопросы.

— У вас возникали проблемы со сном?

— Нет, — у меня одна проблема – мой телохранитель. И во снах он ко мне приходит со своими «заманчивыми» предложениями. Даже ширинку пытается расстегнуть, но я об этом не расскажу. Потому что, каким бы гадом ни был Стас, он спас мне жизнь. Не хочу, чтобы Игорь с ним что-нибудь сделал. А он точно сделает, если узнает...

— Вам трудно ответить на этот вопрос? — голос психолога врывается в мои мысли.

Какой вопрос? Он о чем-то спрашивал?

— Повторите вопрос, пожалуйста. Пока думала над ответом, забыла... — психолог мне не верит, снисходительно смотрит, а потом выдает таким понимающим тоном:

— Такое случается после травмирующих событий, это нормальное поведение, вам не стоит беспокоиться, — успокаивает он меня, а я с трудом удерживаю смех, который подкатывает к горлу.

Знал бы он, о чем я весь последний час думаю. Мои ладошки вспотели не из-за того, что ты на меня давишь и пытаешься вернуть в тот день, а потому что я представляю, как опускаюсь на колени перед Стасом и берусь за пряжку ремня, пытаюсь ее расстегнуть...

— Я просил вас вспомнить самый пугающий момент той ночи, — произносит Александр Германович, поправляя на колене планшет, который собирался с него съехать. — Свои мысли, эмоции...

— Я плохо помню свои мысли и эмоции, — помню, конечно, но мне хочется сделать нашу встречу как можно короче. Он интуитивно мне неприятен. А еще я уверена, что о нашей беседе в подробностях станет известно Игорю, тайну нашего общения хранить он не станет. — Самый страшный момент — это выстрел в моего брата. После этого меня жгло только одно желание — отомстить тем, кто его убил. Тогда я думала, что Миша мертв.

— У меня создается впечатление, что вы не хотите об этом говорить, — то ли вопрос, то ли констатация факта. В любом случае я не собираюсь делать вид, что нахожусь здесь по собственной воле и рада нашему общению.

— Наверное, мой мозг находится в состоянии отрицания,

для того чтобы защитить слабую женскую психику, — как можно серьезнее. Щурит взгляд, чем-то недоволен.

— Не исключено, — делая какие-то пометки в планшете. — Мы постараемся аккуратно поднять из вашего подсознания все переживания и проработать их, — снисходительно, хотя вроде догадался, что я не дура.

— Я могу идти?

— Можете, о времени нашей следующей консультации вас предупредят заранее, — придавая себе важности. Поднявшись из кресла, подошел к рабочему столу и сделал какие-то пометки в журнале.

— Извините, Александр Германович, но о следующей консультации вам нужно будет договариваться с моим телохранителем.

— Мне? С телохранителем? — кому-то явно жмет корона. Консультировать уставших от скуки жен олигархов за баснословный гонорар — это вам не мешки ворочать за копейки, тут самооценка быстро взлетает до небес.

— Да. Я сейчас его приглашу, — направляюсь к двери, прихватив сумочку.

— Не надо. Я позвоню Игорю Алексеевичу... — делаю вид, что не слышу. Стас обещал, что мне больше сюда не придется приезжать, пусть выполняет.

— Ты сказал позвать...

— Стой здесь, никуда не уходи, — жестким строгим тоном буквально пригвоздил меня к месту. В коридоре стоит

Алексей, я могла бы вернуться с ним в машину, но выполняю требование Стаса, что-то такое в его тоне заставило не спорить. Он выходит через минуту, едва заметно касаясь спины, подталкивает к выходу.

— Отказался приезжать к нам домой? — была почти уверена, что Александра Германовича я больше не увижу. Он не захочет терять свой авторитет.

— Постараюсь организовать тебе нормального специалиста, — произнес Стас, не глядя на меня. Теперь он только мой телохранитель, а я объект, который нужно защитить.

Садимся в машину. Артем плавно трогается. У Стаса звонит телефон. И зачем я посмотрела на дисплей?

— Позвоню позже, — произнес и тут же сбросил вызов.

«Он красивый, здоровый мужчина, у него есть любимая девушка, и это нормально, — проговаривала про себя. — Я не должна на это реагировать, не должна им увлекаться, у меня скоро свадьба...»

Свадьба с тем, кто так настойчиво названивает в данный момент...

Тяжело вздохнув, принимаю вызов. Поговорил уже с психологом...

Глава 11

Стас

Хреново, Юматов! Очень хреново...

Вот вообще никаким боком не стоит вовлекаться в эту девочку.

Напоминаю себе, что у нее скоро свадьба, что она из мира, в который я закрыл себе дорогу. При нынешних своих возможностях я ее не потяну. Мои задачи на ближайшее время — защита объекта, поиск заказчика ее предполагаемого похищения.

Нужно держать дистанцию, не скатываться в личное общение, каким бы приятным оно ни было. Удовольствие нужно искать в других вещах, желательно за стенами особняка Серебряковых. Манкость этой девочки вовлечет меня в более крупные проблемы, если я поведусь. С другой стороны, сложно оставаться безучастным и игнорировать ее тревоги. Я снайпер, а не профессиональный телохранитель, но это не мешает мне считывать реакции тела объекта. В отношении Юны вообще что-то странное происходит, я ловлю каждый замерший вздох, замечаю учащенное сердцебиение пульсирующей на шее веной, вздернутый подбородок, когда она злится, сжатые челюсти, если запрещает себе отвечать на вызов. А еще мне хочется улыбаться, когда она ведется на мои провокации. Слишком невинная, слишком чистая,

слишком... не для меня.

В столице до хрена хороших специалистов, которые отпахивают месяц за тридцатку. Есть те, кто добился многого своими мозгами и опытом, получают за это заслуженные бабки, а есть вот такие, к которым модно ходить — для повышения статуса. Этот был из таких. Насколько он классный специалист, я оценить не могу, но пафосный — однозначно. Учитывая любовь Гаранина ко всему самому лучшему, будем верить, что в психологии Александр разбирается, но Юне он почему-то не понравился. И судя по тому, что я застал его в тот момент, когда он высказывал по телефону свое недовольство ее жениху, нелюбовь была взаимной.

— Извините за вторжение, — вошел без стука. Он даже не успел сбросить звонок, поэтому наш разговор вполне мог слышать Гаранин, но это даже к лучшему. — Хотел узнать, сможете ли вы приезжать для консультаций Юноны Евгеньевны к ней домой?

— Нет, конечно, — весь подобрался, взгляд свысока.

— У нас особые обстоятельства, на нее может быть совершено покушение, ваше здание стоит на открытой местности... — попробовал я с ним договориться, но без энтузиазма, в душе надеясь, что он откажется.

— Я не осуществляю выезды на дом, — поднес телефон к уху, чтобы его точно услышал Гаранин. Приблизительное развитие событий можно было спрогнозировать.

— Всего доброго, — не стал спорить и объяснять, вопрос

нужно решать с Серебряковым. Хотя по наблюдениям, он жестко прогибается под Гаранина.

По дороге позвонила Леська. Поймал себя на мысли, что при Юне не хочу обсуждать нашу встречу, которая закончится сексом. Хрен знает почему. Разозлился на себя. Трахаю одну, а думаю о другой!

Долго грузиться и копаться в себе не пришлось, звонок Гаранина заставил звенеть от напряжения нервы. Искося наблюдая за Юной, замечал, как ее пальцы до посинения сжимают телефон, как трясется палец перед тем, как она снимает блок, принимая вызов, как глубоко втягивает воздух, прежде чем выдохнуть:

— Да? — поджимая губы в тонкую линию. Так не разговаривают с человеком, за которого по любви выходят замуж. Легкая дрожь ее тела тоже не осталась незамеченной.

— Звук убавь, — отдал распоряжение Мечнику. Магнитола играла негромко, но мне хотелось полной тишины. Я напрягся от реакции Юны. Стало очень важно услышать каждое слово Гаранина. Жаль, невозможно.

— Да, — ответила Серебрякова таким же тоном. — Это было не мое решение. Зачем? Игорь, обсуди этот вопрос с отцом. Хорошо, — сжав зубы, произнесла она. Ноздри раздувались от гнева. Аккуратные небольшие ногти впились в ладошку. — Это вас, — взгляд опущен в колени, будто ей стыдно.

— Слушаю, — взяв трубку, представляться не стал.

— Ты кто такой, чтобы отменять мои распоряжения? — Игорек брызжет слюной. — Моя невеста должна посещать психолога, а твоя задача ее охранять. Тебя прямо сегодня заменят, раз ты неспособен справляться со своей задачей!

— Я не отменял... ваши... распоряжения, — приходится «выкать» недоноску. Не хотел я этой работы, но от задания не отказаться, придется задержаться. Да и девчонку оставить на кого попало уже не мог. Гаранину придется дать понять, что в мою работу ему лучше не лезть. — Если хотите, чтобы ваша невеста дожидая до свадьбы, придется слушать мои советы, — спокойным тоном. Не для Гаранина старался, голос выравнивал, Юна как натянутая струна сидела, не дышала. Хотел, чтобы девочка перестала нервничать. — Любой специалист вам скажет: ездить в одно и то же место, легко просматриваемое снайперами — безответственно и смертельно опасно. Посадить снайперов с двух разных точек — и у нас не будет шанса спасти вашу невесту. А там таких точек больше трех. Найдите психолога, который будет работать с Юноной Евгеньевной на дому или сразу заказывайте место на кладбище, — Юна вздрогнула. — Тут или бессмертных нанимать, или человек сто, которым вы будете доверять. Прежде чем выехать на точку, нужно проверить все высоты. Охранять все входы и выходы, — недовольное сопение на том конце провода не доставляло удовольствия, чтобы прям отпустило, мне хотелось расхерачить морду этого богатенького придурка.

— Ты слишком много на себя берешь, охранник, — он еще сдерживался, статус не позволял перейти на крик, но, если поднажать, сорвется. Мне это было не нужно. Девочку нужно успокоить.

— Сейчас все структуры разгребают последствия бойни, которая случилась на дне рождения вашей невесты. Наверху требуют найти виновных, там жаждут крови. Как вы думаете, что случится, если до них дойдет наш с вами разговор? — зажав телефон между ухом и плечом, потянулся к сжатой в кулак руке. Юна дернулась, попыталась вырвать руку, не дал. Поглаживая тонкие красивые пальцы, медленно их разгибал.

— Ты о чем?!

— Юнона Евгеньевна не просто свидетель, она являлась целью покушения. Расследование завязано на ней, покушение может повториться, а вы ставите ее жизнь в опасность, — продолжая ровным тоном, поглаживал подушечкой большого пальца ладонь, где остались полукруглые следы ногтей. Юна заметно нервничала, но уже от моей ласки.

— Я не ставлю жизнь своей невесты в опасность! — Ггарин злился, но вроде стал понимать, что сейчас не время для его загонов. Сбавил обороты в тоне голоса.

— Очень на это надеюсь. А то там, наверху, может сложиться неправильное мнение, будто вы не дорожите важным свидетелем. Мы ведь этого не хотим? — подмигнул Юне и отпустил ее руку. — Не переживайте, ваша невеста в надежных руках. Передать ей трубку? — моя дерзость не останется

бзнаказанной, Гаранин носом будет рыть, чтобы убрать меня, но управление не позволит. Не хочу встречаться с этим мудаком, но придется.

— Передай, — рыкнул он. Поставив на громкую связь, кивнул Юне, чтобы она ответила. Девочка понятливая, сразу догадалась.

— Да? — отвернувшись к боковому окну. Пальцами гладила ладонь, которую минутой ранее ласкали мои пальцы, но она этого, кажется, даже не замечала.

— Я прилечу послезавтра, вечером сходим поужинать в ресторан. Ты меня слышишь?

— Да, — заставила себя ответить.

— Придерживайся субординации с этим охранником, он мне не нравится, — выплюнул яростно. Юна испуганно обернулась, посмотрела мне в глаза, а я ей подмигнул и кивнул, чтобы ответила.

— Хорошо...

Глава 12

Стас

— Игорь, как я рад тебя видеть, — Серебряков выходит встречать будущего зятя. Здравуются, перетирают за договор, который Гаранин выгрыз. По крайней мере, именно так он преподносит. В бизнесе, возможно, он хищник, но, если оставить его без денег, станет обычной дичью, которую тут же загрызут. Не исключаю, что он понимает свое место в эволюционной цепи, только слабые люди возвеличиваются за счет других.

Мои парни пьют кофе во дворе. Находясь в домике охраны у открытого окна, могу наблюдать за поведением мужиков. Отец Юны лебезит и подлизывается, получается неплохо. Сразу становится понятно, что он зависит от Гаранина. Тот ведет себя так, будто находится у себя дома. Охрану строит одним взглядом, слуги взгляд не смеют поднять, прохоят чуть ли не на цыпочках.

Почувствовал власть денег, прогибает мир под себя. Упирается своим превосходством. Потирая двумя пальцами подбородок, вспоминаю, как пару раз в школе проходил по его холеной роже. Давлю в себе желание пустить ему кровь из носа, чтобы закапал пятнами идеально отглаженный костюм и рубашку.

С Юной мы после поездки к психологу не общались. Она

идеальный объект для охраны: сидит в своей комнате с бронированными стеклами и решеткой, практически не появляется внизу, никуда не выезжает. Хоть бы в салоны красоты таскалась или за шмотками. Не скажу, что я был бы рад, но хоть какое-то шевеление. Я так жиром заплыву от бездействия. Никакого продвижения в деле. Крысу мы так и не вычислили.

Какой-то день сурка. До десяти вечера протираю штаны в гостиной, пару раз созваниваюсь с руководством, потом еду домой, бухаю или трахаю Леську, чаще совмещаю.

Разминаю между пальцами сигарету, думаю: закурить или не стоит?

— Я хочу увидеть телохранителя, которого ты нанял для Юны, — резко перебивает Серебрякова, который продолжает искусно подлизываться.

Сминаю сигарету, позволяю табачной крошке упасть на пол. Гаранин приехал для личной встречи со мной. Какая честь выслушивать этого утырка. Багиров предупредил, что уебок пытался заменить мою кандидатуру, даже поднял свои связи.

— Конечно, — Евгений Борисович ведется. Взрослый мужик прогнулся под того, у кого бабла больше.

Я знаю, что Гаранин уже говорил с Серебряковым по телефону, требовал меня уволить, но тот заключил контракт не только со мной, но и с управлением, соскочить бы ему никто не дал. Работа у нас такая — предугадывать любое развитие

событий. Подгадить все равно сумел, в доме мне без причин и личного позволения Серебрякова появляться запретили.

— Добрый вечер, — выхожу из домика, как только Серебряков кричит мое имя. Гаранин молчит, сверлит меня взглядом, поджимает губы. Узнал, не узнал? Даже если узнал, не показывает. Научился держать лицо за столько лет в большом бизнесе. Я тоже делаю вид, что мы незнакомы. — Звали?

— Стас, это Игорь Алексеевич — жених моей дочери, он хочет с тобой поговорить, — Серебряков та еще гнида, под перекрестным огнем наших взглядов чувствует себя неуютно, передергивает плечами. Мои ноги на ширине плеч, руки сложил в районе паха.

Я не защищаю свои причиндалы, хотя причины мне не доверять у Гаранина есть, член без команды перманентно стоит на его невесту. Такая поза мне удобна.

— Давайте поговорим, — ровным тоном.

— Ты мне не нравишься, — заявляет Игорь открыто. Держится уверенно. — Меня уверили, что ты профессионал, только поэтому ты остаешься возле Юны. Если ты позволишь себе что-нибудь лишнее, на службу в этой стране не устроишься, я тебе обещаю.

— Не понимаю, что именно вас смущает? Буду рад, если поясните. На работе я работаю, охраняю объект.

— Вот и охраняй, а в мои распоряжения не вмешивайся, — его злость выдают лишь опущенные вниз уголки губ.

— Если ваши распоряжения будут создавать угрозу для жизни объекта, моя задача вмешаться, — глядя ему в глаза, тон не меняю. Хотя хочется засунуть его тупые распоряжения в глотку. Такие, как Гаранин, уверены, что они во всем разбираются лучше других.

Мои ребята выходят из-за домика, становятся у меня за спиной. За домом охраны стоит лавочка и стол под деревом, пацаны предпочитают там устраивать перекуры и даже обеды.

— Для жизни объекта, — тянет в издевательской манере, хочет меня задеть, высмеять. Не ведусь. Мой опыт держать лицо в разы больше, но лучше ему не видеть Стаса, которому сорвет планку. — Юматов, подготовься к выезду, мы с моей невестой едем в ресторан. Раз ты такой профессионал, охраняй объект, — разворачивается, чтобы уйти.

— Мне нужны адрес и название ресторана, — бросаю ему в спину. Отвечает мне Серебряков.

— Мутило... гондон... — парни негромко озвучивают мои мысли. Тут полно «чужих», которые захотят выслужиться перед хозяевами.

— Артем, готовь две тачки, — отдаю распоряжение своим парням.

— Он ее на своей повезет, — поджигает губы Лешка, он тоже понял, что Гаранин назло нам посадит ее в свою тачку, куда нас, естественно, не допустит. Чтобы доказать, что он круче, назло будет вставлять палки в колеса.

Хакер посылает запрос в управление. Нам тут же дают доступ ко всем камерам в том районе.

Ждем у ворот, когда появятся Гаранин с Серебряковой. Роли распределены. Я еду позади на обычной тачке, Мечник с Лехой — на бронированном автомобиле в начале колонны.

Взгляд постоянно возвращается к крыльцу дома. Могу сколько угодно говорить, что просто устал ждать, на самом деле хочу увидеть Юну. Может, и рядом с ним, чтобы вдолбить в свою башку, что она занята. Не хрен о ней думать. Чужая баба, почти жена.

Ну что так долго, больше часа ждем!

Выходят, спускаются. Игорь придерживает ее за талию. Юна зажата, словно пружина. Заставляет себя идти. На лице ни одной эмоции, что за фигня? Гаранин пытается притянуть ближе к себе, почти получается, но девчонка все равно старается держать дистанцию. Платье красивое, длинное, касается земли, но при этом воздушное, хотя верх подчеркивает идеальную фигуру. Она в нем словно принцесса из сказки. Волосы завиваются на концах. Легкий макияж. Бросает на меня взгляд, именно на меня, больше ни на кого не смотрит.

Руль сейчас под руками треснет. Даю себе мысленную затрещину, но они что-то плохо помогают. Пока усаживаются в машину, беру бутылку с водой и выпиваю волшебную пилюлю. Эти таблетки в аптеке не купишь, они разработаны для спецов. Башка раскалывается, а мне сейчас нужна полная концентрация. Юна в другой машине, а доверять я могу

только себе и своим парням...

Глава 13

Стас

Он ее не пустил сесть в бронированную тачку! Самоуверенный долбоящер! Таким, как Гаранин, важно настоять на своем, доказать превосходство! Только девочка твоя перестает улыбаться в твоём присутствии, отодвигается, чтобы ты ее случайно краем пиджака не задел. В чем твоё превосходство? Сука ты, Гаранин!

В гарнитуре звучит голос Артема: «Чисто... Впереди тонированный внедорожник... Чисто... Подозрительных объектов не выявлено...». Напряжение зашкаливает. Выезд в ресторан был оговорен Гараниным с секретарем несколько дней назад. Предположим, была утечка, нас могут ждать на любом отрезке пути. Единственное, что удалось переиграть — маршрут, который мы проложили самостоятельно.

Сложно... Сука, как же сложно держать в узде темную сторону своего характера! Чтобы перейти потом на белую сторону, мне нужно море крови, разбитые в мясо руки или жесткий секс. Гаранин в шаге от первого и второго пункта.

Резкие глубокие толчки воздуха помогают успокоиться. Напряжение шпарит по нервам, заводит сердце на максимальные обороты. Машинально отмечаю все точки, откуда может высунуться снайпер. Нужно ли говорит, что их до хрена? Одному человеку не под силу все контролировать, но я

выкладываюсь по максимуму.

Проходит минут пятнадцать, как я принял таблетку, и боль уходит. Если бы так легко можно было гасить злость...

Мы с Лехой осматриваем ресторан, прежде чем Гаранин и Серебрякова войдут в зал. Ловлю удивленный взгляд Елизаровой. Она сидит с подругой и каким-то богатеньким хмырем у окна. Откуда я знаю, что богатенький? Сюда другие не заходят. Молодой мужик, чуть за сорок, с пивным животом и вторым подбородком. Пытаюсь вспомнить, видел его где-то или нет. Не видел. Скорее всего, из правительства мужик. Ловлю растерянный нервный взгляд Леськи, который выдает ее с головой. Я так понимаю, потенциальный муж. Вот теперь я знаю, с кем мне предстоит делить свою любовницу.

День сегодня дерьмо. Прикрыв на секунду глаза, сообщаю охране Гаранина, что все чисто, могут войти.

Гаранин с невестой занимают лучший столик в самом дорогом ресторане Москвы. Зыбкая уединенность для Игоря и Юны, но гости в зале могут наблюдать за красивой парой, подойти высказать почтение, чего и хотел Игорь. Ведет себя, словно король мира, а ведь есть те, кто при желании может уничтожить его бизнес.

— Стой здесь, — махнув рукой в сторону. — Охранник, — протянул пренебрежительно, поправляя манжет рубашки. Все понятно, поездка в ресторан — экзекуция над одним зарвавшимся майором. Он узнал меня, пробил заранее.

Наша неприязнь взаимна, уе@к. В своей новой жизни я

мало что могу тебе противопоставить, тягаться с помощью бабок не получится, рисковать карьерой не хочется, я каждую звездочку потом и кровью зарабатывал, но ты точно пожалеешь, что мы опять встретились.

Отошел от столика, поймав на себе с десяток любопытных взглядов. Сообщил парням, что остаюсь в зале. Свое отношение они высказали сквозь зубы тихим матерным потоком.

Бл@дь! Чувствую себя новогодней елкой на Центральной площади, только гирлянд не хватает! Злит обиженный, недоуменный взгляд Елизаровой. Разочаровалась, словно я ей ребенка заделал и послал. Я не говорил о своей работе, мы вообще ее не обсуждали, потому что Леське неинтересно знать о том, что не приносит крупных бабок.

Теперь она знает, ну, или догадывается. Пофиг! Случайная встреча или Гаранина спецы подсустились? В случайности я не верю. Моя темная сторона питается эмоциями, распускает крылья. Опустив руки ниже живота, сжимаю перед собой кулаки.

Вечером спортзал до изнеможения и хороший сон, или точно сорвусь. Вспоминаю пару техник, с помощью которых загоняю злость под кожу и заставляю свернуться ласковой змейкой до тех пор, пока Елизарова, не выдержав, решает подойти... к «подружке».

Проплывает мимо меня, бросает взгляд, который означает «а с тобой я поговорю позже». Да ну на... Сегодня все решили козырять передо мной своим статусом?

Хочу курить, до тошноты наглотаться никотина! Втягиваю носом воздух, опускаю взгляд в пол на пару секунд. Непрофессионально, я должен следить за тем, что происходит вокруг, но если не погашу раздражители, сорвусь!

— Юна, рада тебя видеть. Здравствуйте, — на «вы» — это к Игорю, лично они не знакомы.

— Здравствуй, — сразу на «ты». В тоне скрытое пренебрежение. Убеждаюсь, что он многое обо мне знает. Появился стимул копать под тебя, Игорек...

— Олеся, — приветствуют друг друга девушки.

— После той страшной ночи я впервые выбралась на люди...

— Я тоже, — чувствую на себе взволнованный взгляд Юны. Она не понимает, что происходит. Мы ведь с Лесей вроде пара, но сейчас делаем вид, что незнакомы. Странно? Ну, как-то так.

— Эй ты, — повышает голос Гаранин, перебивает общение девушек. Сука! — Охранник, я к тебе обращаюсь, оглох? — веду головой в его сторону. Сложив руки в замок, смотрит из-под бровей. — Пошел вон отсюда, жди у дверей, — это для Елизаровой представление. Думает, что она меня после этого бросит? Да мне пох... Всем своим видом даю ему это понять. Не похрен только Леське, она продолжает делать вид, что видит меня впервые в жизни и сейчас на стороне того, кто крут и богат.

Да, Юматов, вроде ты телку имел, но ощущение, что поль-

зовали тебя...

— Я работаю на Серебряковых, — спокойным ровным тоном, пряча то, что на самом деле происходит внутри. А там черное кровавое месиво. — Юнона Евгеньевна, если я вам не нужен, подожду у входа, — она собирается ответить, но Гаранин резко накрывает ее пальцы своей рукой и сжимает так, что я слышу, как щелкают тонкие косточки.

— Идите, Стас, — несмотря на боль, застывшую в ее глазах, она выговаривает ровным голосом, на жениха не смотрит. Чувствует, кто сейчас более опасен!

Что же ты делаешь, сука!

Напоминаю себе, что у них скоро свадьба, мне в их отношения лезть не стоит. У нее есть отец, пусть жалуется, и он разбирается с этим уе@m, но пока выходил из зала ресторана, дал себе слово переломать каждый палец на его руке.

— Леха, я на две минуты, — предупредив друга, свернул к запасному выходу.

Пустая парковка, несколько тачек без водил и охраны, скорее всего, принадлежат персоналу. Вымещаю злость на бетонной стене, разбиваю костяшки в кровь. Давлюсь неммым криком, который выжигает нутро. Бью еще раз... еще. Боли нет, она только в нашей голове! Если бы сорвался на Гаранине, полетели бы не только мои погоны! Не имею права подставлять ребят, которые стали семьей, когда я потерял свою. Нельзя допустить, чтобы это задание стало личным!

Вдох, выдох...

Сажая демонов на цепь. По спине текут капли пота, с рук капает кровь, злость не уходит, но убивать уже не тянет.

Раздражающий стук каблуков бесцеремонно врывается и будит демонов.

— Ты что, к Серебряковой в охрану подался? Больше не к кому было? Ты хоть понимаешь, что унизил меня перед ней?! — подходит все ближе, замахивается для удара, перехватываю хлипкие кулаки, которыми только по комарам стучать.

— На колени! — давлю на руки. Елизарова падает на колени, в глазах появляется понимание, собирается сопротивляться. — Будешь мне сосать, Леся, у тебя три минуты, чтобы я кончил, — пугается. Я и сам пугаюсь той темноты, которая рвется наружу. Но при этом Леську заводит жесткость. Взгляд начинает плыть, губы приоткрываются. Она уже готова взять меня в свой теплый рот.

Расстегиваю ремень... zipер... пуговицу. Достая из боксеров упругий член. Зафиксировав голову Елизаровой грубым захватом затылка, сразу вгоняю его на всю глубину. Никакой прелюдии, я жестко трахаю ее рот до слез, соплей и капающих на пол слюней. Дышит через нос, но воздуха все равно не хватает, большой член слишком глубоко таранит ее глотку.

Три минуты давно прошли, я будто бухим трахаюсь, кончить не получается. Елизарова мычит, что устала, просит по-другому, но мои демоны пируют так, как хочется им. Выхо-

жу почти до конца, резко вколачиваюсь обратно. Сквозь возбуждение и шум крови в ушах слышу тихий вскрик на уровне сверхзвука.

Резко оборачиваюсь, на нас смотрит Юна. В ее глазах столько чистых эмоций, что меня накрывает. А потом она облизывает красивые, пересохшие от шока губы, и меня срыгает, кончаю в рот Елизаровой. Пока она глотает все до последней капли, Юна убегает к жениху...

Твою мать! Нужно позвонить Хакеру, пусть сотрет запись с камер наружного наблюдения...

Глава 14

Юна

— Ты ничего не ешь, — орудуя ножом и вилкой, Игорь кивает на мою полную тарелку.

— Я не голодна, — делая глоток воды из стакана.

Официант наполнил бокал вином, но к нему я тоже не притронулась. Весь заказ делал Игорь. Решает, что мне есть и пить. Договаривается с диетологом, следит за моим питанием, чтобы моя фигура всегда оставалась идеальной.

— Ешь, — сквозь зубы, стараясь сохранить на лице улыбку. — Не забывай, что на нас смотрят, — украдкой бросает взгляды на редких гостей. Игорь злится, но искусно изображает спокойствие.

Улыбнувшись, беру вилку, делаю вид, что накалываю на ее кусочек семги, пустую вилку отправляю в рот и даже закатываю глаза от удовольствия. Зрители этого не видят, но раз играть роль, то со всей отдачей.

Игорь удивлен, не привык, что я показываю характер. Такой я была в начале его ухаживаний, выговаривала все, что думаю, не заботясь о том, что могу обидеть и оскорбить. После помолвки мое положение стало хуже. Отец постарался, сделал из меня куклу, которую Игорь готов взять в жены. Как-то Гаранин пригрозил, что разорвет контракт, если я хотя бы еще раз позволю себе опозорить его своим поведением.

— Что ты делаешь? — цедит слова, сжимает нож в руке до посинения пальцев.

— Ем. Люди ведь смотрят, — сама себе не могу объяснить свою выходку, но причины ее знаю.

Сначала в машине, пока ехали в ресторан, я слушала нравоучения, которые мне читались злым тоном, потом обещания уничтожить Юматова, как только закончится его работа у нас. В такие моменты жалеешь, что по щелчку не можешь оглохнуть.

— После свадьбы подобного поведения не потерплю, — очередная угроза не возымела эффекта. Мой мозг заточен на другой теме, все остальное воспринимает фоном.

Перед глазами, не прекращая, мелькает десятисекундный фрагмент, которому я не должна была стать свидетельницей. Зачем я за ним пошла?

Не могу объяснить свой порыв. В какой-то момент мне стало стыдно за Игоря, который смел разговаривать с моим телохранителем, как с бездомным псом, стало стыдно за Олесю, которая делала вид, что не узнала своего парня. Как? Как можно стыдиться человека, с которым у тебя отношения?

Мое утешение ему точно не нужно было, тем более его девушка опомнилась и поспешила за ним. Никогда не лезла в чужие отношения, а тут с чего вдруг решила вмешаться? За кого собиралась заступаться? За своего телохранителя, себе я ответить могла честно.

Не ожидала, что их примирение будет таким... Таким... Откровенным! Вместо того, чтобы отвернуться и сбежать, я застыла, записывая каждую деталь этой картины в своем подсознании. Никогда не думала, что порочная жестокость может возбуждать. В движениях Стаса было столько страсти и ярости, что у меня ноги подкосились. По щекам Олеси текли слезы, но она не сопротивлялась, я чувствовала, что ей нравится, что ее возбуждают резкие грубые толчки. Как такой большой орган мог поместиться у нее во рту?

Могла бы я так?..

Я замечаю, что в зал возвращается Олеся. Мне неприятно ее видеть, не могу объяснить свои чувства. Отворачиваюсь, но все равно кошусь в сторону столика, за которым она сидит с друзьями. Отмечаю, что на лице ни грамма косметики, и я знаю, почему она смыла ее.

— О чем ты думаешь? — голос Игоря разрывает картину воспоминаний. Вздвогнув, прячу взгляд в стол, опасаясь, что он может о чем-нибудь догадаться. Щеки горят, словно их перцем намазали. Нужно объяснить мое волнение.

— О нападении. Постоянно думаю, пытаюсь вспомнить какие-нибудь детали, — специально поднимаю тему, которую, как мне кажется, Игорь не хочет обсуждать. Легко удастся переключить его внимание.

— Расследованием занимаются все специальные службы Москвы, моя служба безопасности и служба безопасности твоего отца, ты думаешь, что справишься лучше, чем куча

профессионалов? — принижая мои умственные способности не только словами, но и снисходительной ухмылкой.

— Специалистов там не было, — напоминаю, хотя знаю, что Игорь ничего не забывает.

— Твой телохранитель был там. Ему платят за то, чтобы ты не вспоминала ту ночь, — с раздражением отбрасываю столовые приборы. — Сосредоточь свое внимание на нашей свадьбе.

От меня ждут поведения счастливой влюбленной невесты, которая горит предстоящим событием. Наняли десяток специалистов, чтобы организовать масштабное мероприятие, а невесту не интересует выбор платья, меню, цветов...

— Теперь ты пытаешься управлять моими воспоминаниями? После свадьбы мне их подчистят? Оставят только те, которые угодны тебе? — осознаю, что, если о моей дерзости узнает отец, меня ждут большие неприятности, но остановиться не могу. Для одного вечера слишком много эмоций.

— Думай, что говоришь, Юна, — поднимает столовые приборы, на губах улыбка. Резкая смена настроения успокоения не приносит. — Ты сегодня очень смелая, мне нравится. Я с удовольствием буду укрощать свою строптивницу, — понижает голос до сексуальной хрипотцы, впервые он так откровенно и недвусмысленно намекает на брачные отношения. Меня сковывает льдом. Не хочу думать о том, что будет после свадьбы. — Только на публике со мной не пререкайся, договорились? — отправляет в рот кусочек мяса, медленно

пережевывает.

Звук телефона отвлекает от необходимости отвечать. Номер незнакомый, но я все равно принимаю вызов, извинившись перед женихом — мы ведь должны соблюдать этикет.

— Здравствуйте, мы обещали связаться с вами, как только Михаил Олейников придет в себя, — звучит бодрый голос его хирурга.

— Он пришел в себя? — от волнения голос сбивается, на глаза наворачиваются слезы. — Его можно увидеть?

— Вы можете подъехать прямо сейчас или утром, — ответ врача делает меня невероятно счастливой. Я безумно хочу увидеть Мишу.

— Спасибо большое! — быстро прощаюсь. Готова ехать прямо сейчас, рука тянется за сумочкой, но сначала нужно попросить Игоря отвезти меня в больницу.

— Куда ты собралась? — продолжая разрезать мясо, интересуется Гаранин сухим недовольным голосом.

— Миша пришел в себя, врач разрешил его навестить, — не хочу его умолять, но готова даже на это, лишь бы увидеть брата.

— Утром навестишь, сейчас мы ужинаем, — сжимая приборы в руках до побелевших пальцев, давит тяжелым взглядом.

— Если бы это был твой брат, Игорь?

— Юна, мы не будем портить наш вечер, — я понимаю, что просить его бесполезно.

«Он испорчен с самого начала!» — вертится на языке, но если я осмелею настолько, а папа об этом узнает, я не увижу Мишку до его выписки. К горлу подкатывает ком.

— Мне нужно в уборную, — срываюсь и ухожу...

Глава 15

Стас

Посадить демонов на цепь не получилось! Кончая Леське в рот, я видел перед собой другое лицо. Несмотря на мощную физическую разрядку, внутри морально вытрахан.

— Иди, приведи себя в порядок, там тебя жених ждет, — отхожу назад, упираюсь лопатками в стену, заправляю рубашку и застегиваю ширинку. — Не нужно, чтобы еще он нас увидел. Еще жениться откажется, — не думаю ее стесать. Между нами не было лжи, Леська была честна, как и я с ней. Нас связывал хороший секс. И, возможно, мое скрытое желание все-таки обзавестись семьей. Меня не особо задевало ее пренебрежение к моему статусу. Самодостаточно-му взрослому парню похрен на вот такие закидоны богатых девочек. Я этим насытился еще в школе, правда, тогда я был на другой стороне. Могу гордиться своим опытом.

— Это конец? — поправляя одежду, спрашивает она. Стаскивает чулки, колени целы, но тонкий капрон пополз по ноге, слишком грубо опустил ее на асфальт. Выбрасывает прямо здесь в мусор.

— Лесь, не начинай. Хорошего любовника с твоими бабками найти будет проще, чем ты думаешь. Я в вашу постель с мужем не полезу. Не мое.

— А может, я по любви хочу, — щенячья преданность в

глазах неуместна и капитально злит.

— По любви надо замуж выходить, — дергается, будто я ее ударил. — Уходи, — достаю телефон, чтобы позвонить Хакеру. Пора думать о работе.

Леська уходит, смотрю на свои расхераченные в мясо костяшки, пока был на адреналине, боль не чувствовал, а теперь шарахает до предплечья. Долго будет заживать, но это и хорошо. Боль будет отрезвлять, если опять захочется поддаться эмоциям. Набираю Хакеру, быстро обрисовываю проблему.

— Сейчас сделаю, — бросает он.

— Юматов, ты что, бл@, творишь? — Багиров рядом, как и ожидалось, а наш разговор на громкой связи.

— Яр, давай потом? — он имеет право кричать, сегодняшней выходкой я могу похерить всю операцию. Мое место не на заднем дворе ресторана, я должен обеспечивать защиту объекта.

— Стас, я сейчас в ах@х... — смотрит запись с камер. — Вечером жду на базе, — в душу не лезет, но свое я выхвачу.

Окровавленные руки бросаются в глаза. Парни из охраны Гаранина хмурятся, мои не оставляют посты, но смотрят вопросительно, ждут объяснений. Их не будет. Я и сам не могу объяснить свой срыв. Подхожу к машине, достаю аптечку.

— Помогу? — подходит ко мне водила Гаранина, забирает из рук перекись, поливает на раны. Щиплется, сука! — Не нарывайся, — тихо, почти одними губами произносит он.

— Шеф уже строит планы, как будет зарывать сначала твою карьеру, потом тебя.

Устанет, тварь, строить планы!

— Услышал, — отвечаю так, чтобы прочитать по губам мои слова было нельзя. Степан оказывается нормальным мужиком, советует мази, которые быстро заживляют раны, я благодарю. На самом деле есть у меня не только «волшебные» таблетки, но и отличные мази. Степан заклеивает лейкопластырем сбитые костяшки, если не присматриваться, издали не видно, пластырь хорошо ложится под цвет кожи.

Занимаю место у стойки администратора, отсюда через стеклянные двери можно наблюдать за залом. Столика, за которым сидят Юна и Игорь, не видно, но это и необязательно, я знаю, что все спокойно, этого пока достаточно.

Леська умылась, своим «снайперским» взглядом отмечаю бледность лица и нежелание смотреть в глаза жениху. Она вернулась за столик с опухшими губами, покрасневшим лицом и смытой косметикой. Я молчу, что стянула и выкинула чулки. Он реально не заметил изменений? Предполагаю, что хорошо отыгрывает. Выгодную партию не хочет упускать, пусть та только что трахалась с другим. Мне неинтересно за ними наблюдать, делаю это по одной-единственной причине — Юны мне не видно, но с лица Олеси могу считать любопытные взгляды в сторону их столика.

Проходит не больше часа, хотя за временем не слежу. Ггарин и Юна выходят из ресторана, он на шаг позади нее,

не скрывая, любителю очертаниями бедер. Давлю в себе рефлекс. Предупреждаю парней, что объект выходит из ресторана. Звоню Ярославу, сообщаю, что мы собираемся отъезжать. Наши парни контролируют весь путь перемещения.

Отмечаю бледность на лице Юны, ее убитый стеклянный взгляд. Не знаю, что произошло за время, пока они были одни, но мне определено не нравится видеть ее в подавленном состоянии.

Игорь открывает перед невестой дверь, подает руку, но Юна ее игнорирует. Ее жест не остается без внимания. Ггаранин поджимает губы, я со своими парнями обмениваюсь красноречивыми взглядами. Она не любит этого ублюдка. Усаживается с самого края, будто собирается вжаться в дверь, как только ту закроют.

— Предлагаю вам с невестой сесть в бронированный автомобиль, — заставляю себя обратиться к Игорю. Мне страшно оставлять их наедине. Понятно, что его охрана и водитель слова против не скажут, как бы он морально ни издевался над девчонкой. При моих ребятах свое сучье нутро он открыто демонстрировать не станет.

— Занимайся своей работой, твоего мнения я не спрашивал, — резко бросает, не глядя. Сжимаю зубы, на семерки точно скоро придется ставить имплантаты, я крошу их в пыль.

Возвращаемся другим маршрутом. Попадаем в пробку. Реагирую на каждое приближение мотоциклов. Если сейчас

машину с Юной расстреляют, я мало что смогу сделать.

Пусть и с зашкалившим напряжением, но доезжаем без происшествий. Юна вылетает из машины, не оглядываясь, спешит в дом, Гаранин идет следом.

— Что произошло? — спрашивает Леха, глядя им вслед.
— Отрывался на тебе? — сам отвечает на вопрос.

— Да, — не вся правда, но ее достаточно.

— Мразотный тип, его бы в горячую точку на перевоспитание, — ухмыляется Жаров.

— Такому говну там делать нечего, свои пристрелят, чтобы не воняло...

Смена подходит к концу. Сегодня Мечник остается в ночь. Мне нужно на базу, Багиров ждет для разговора, но я не могу заставить себя уехать. Юна была расстроена, когда выходила из машины, я видел капли слез, блестевшие на ресницах, она пыталась их скрыть, но мой взгляд цеплял любые, даже самые незначительные детали. Ее слезы не были незначительной деталью...

— Евгений Борисович, моя смена заканчивается, осмотрю дом перед уходом? — заглядываю в кабинет. Хозяин методично нажирается. На его столе почти пустая бутылка виски, взгляд расфокусирован.

— Осмотри, — кивает он, долго не поднимая голову назад. — Игорю ты не нравишься, — тянет себе под нос, так и оставаясь с повисшей головой. Знал бы Гаранин, как он мне не нравится. — Я не пойду против зятя, учти.

— Учту, — только зря здесь теряю время. — Всего доброго.

Не жду, когда он отомрет и выдаст еще что-нибудь «архиважное». Осматриваю первый этаж. Камеры, подсобки. Проверяю замки.

Быстро поднимаюсь на второй этаж. Сердце сбоит, словно ему не хватает кислорода. Проверяю все комнаты, но мыслями рвусь в одну-единственную. Мне перед уходом надо с ней поговорить. Застываю возле комнаты Юны. Не решаюсь постучать. Она ведь закрытая девочка, не расскажет, а я не знаю, с чего начать разговор. Буду тормозить, мою нерешительность Серебрякову подадут на завтрак.

Три стука в полотно двери. Из комнаты ни звука. Стучусь еще раз.

— Юнона Евгеньевна, мне нужно осмотреть вашу спальню... — я знаю, что полное имя ей не нравится, но я должен соблюдать субординацию. Имя Юна ей подходит больше, его можно красиво катать на языке... — Если ты сейчас не откроешь, вломлюсь без разрешения, — еще один косяк, нужно опять вызванивать Хакера, чтобы почистил...

Глава 16

Стас

Прежде чем вломиться в ее спальню без приглашения, пишу Хакеру. Не звоню, потому что рядом до сих пор может находиться Багиров.

«Удали звук с камер второго этажа за последние пять минут. Поставь камеры на паузу».

Стучусь еще раз. Ответа нет. В руке загорается экран телефона, не открывая мессенджер, читаю в всплывающем окне.

«Две минуты».

Ждать...

Я ведь могу вломиться в комнату, но тогда запись придется частично зачищать, охрана Серебрякова может заметить. Делаю вид, что ухожу с этажа.

«Готово», — приходит раньше, чем через две минуты.

Возвращаюсь к двери. Поворот ручки... открыто. Ты моя хорошая... но запирается надо.

Сразу удастся удостовериться, что с Юной все в порядке. Залипаю на влажном после душа теле.

— Ты... что ты здесь делаешь?! — от напряжения голос ее едва слышен, но глазами она меня уже испепелила.

— Сними полотенце, — это не просьба, это жизненная необходимость. Не понял, как озвучил свои мысли, они

слишком настойчиво бились в голову, произошел отток крови из мозга, хлынула сразу в пах. Вся разом. Мужики поймут. Это полотенце чуть прикрывало ягодицы и еле держалось на груди. И я вот на что угодно могу поспорить — трусов на ней нет, а это значит, если его немного потянуть...

— Убирайся отсюда, — одной рукой указывает на дверь, другой держит край полотенца, будто догадывается о моих мыслях. Хотя я и не пытался их скрывать. Слежу за каплей воды, которая, упав с влажных волос на белую кожу, катится прямо в ложбинку. Готов слизнуть ее языком, попробовать вкус юного тела...

Перевожу взгляд на лицо, отмечаю покрасневшие глаза. Плакала. Эта мысль резко отрезвляет.

— Надо поговорить, я отвернусь, а ты оденься, — вспоминаю, зачем я здесь. Где-то в этом доме я похерил весь свой профессионализм, думаю не тем местом. Красивая девчонка, да, сексуальная, но она ведь не одна такая. А секс у меня был несколько часов назад, а не год назад, чтобы я себя так вел.

— Не о чем нам говорить, — переминается с ноги на ногу, буравит взглядом спину. Наверное, догадывается, что не сдвинусь с места, идет к гардеробу, пропадает за закрытой дверью.

Обхожу комнату, мысленно подгоняю Юну поторопиться. Уютно у нее тут, нет нагромождения вещей, нежная гамма цветов. Фотографии в рамках, подружки, мама, снимок с

братом. Ни жениха, ни отца. Видимо, не заслужили.

— Если ты решила пересидеть в гардеробе — это плохая идея, через минуту вхожу, — прислонившись затылком к стене у самой двери, сложил на груди руки и покосился на ручку.

— Я вроде ясно дала понять, что говорить с тобой не собираюсь, — высокомерно из-за двери. Проявляет свой естественный характер только в моем присутствии, рядом со своими мужчинами она закрыта и зажата. Именно об этом я хотел поговорить? А хрен его знает, не извиняться ведь за мигнет, который мне делала другая. Она и не поймет, что в тот момент я мог сорваться, а под раздачу попала Леська.

— Юна, мне твоего жениха с манией величия и комплексом превосходства более чем достаточно, разгребать не успеваю. Давай ты будешь хорошей девочкой и хотя бы сегодня не станешь трахать мой уставший мозг? — совсем не по «фен-шую» я с ней разговариваю, стираю все видимые и невидимые границы между нами. Ну, мы сегодня чуть ли не породнились, она видела мой член и оргазм, причем трахал я не ее. Мне почти стыдно или самую малость неудобно. Я не позволяю себе думать, что у нас что-то может получиться. Эти мысли под жестким запретом, но свое влечение отрицать глупо, но больше всего на свете я хочу качественно выполнить это задание — защитить Юну даже от самого себя.

— Говори и уходи, — резко открыв дверь. Скольжу взглядом по ее босым ногам, по лосинам черного цвета, которые

так идеально подчеркивают длину и красоту ее ног, свободная футболка тут лишняя, с такой фигурой отлично бы смотрелся короткий спортивный топ. — Осмотр окончен? — не собирался смущать, но, судя по покрасневшимся щекам, вполне преуспел.

— Расскажешь, что между тобой и Гараниным? — я не жду откровений, она очень закрытая девочка, но мне хочется немного ее доверия.

— Нет, — сложив на груди руки, отворачивается к окну. Ожидаемо, давить не буду.

— Меня бояться не стоит, я не воюю с женщинами. Юна, ты вышла расстроенная из ресторана, и меня это беспокоит, — максимально внимательно подбираю тон голоса.

— Миша пришел в себя, — с надрывом, обхватывает плечи руками, будто хочет согреться. — Я хотела поехать в больницу, Игорь не пустил, — опять пропускает через себя негатив. Неспециально я разбередил ее раны. Вон опять едва сдерживает слезы. — Миша... Миша единственный близкий мне человек, — все еще не смотрит мне в глаза.

В два шага сокращаю разделяющее нас расстояние, беру за плечи, притягиваю к себе, не сопротивляется. Опускает руки, они плетью падают вдоль тела. Кутаю ее затылок в своей ладони, зарываюсь в волосы. Делюсь с ней своим теплом, пробую успокоить, хотя самого колбасит внутри. Ну что за мудаки? Ну какого хрена ты за счет девчонки очки зарабатываешь? Вывозишь свой гребанный авторитет на ее слезах?

— Хочешь, сейчас поедем? — я понимаю, что творю дичь. Точка не готова. Меня ждут. И в этом столько личного, что пора меня списывать. Не могу я спокойно реагировать на ее слезы, они меня в бараний рог закручивают!

Отстраняется, заглядывает мне в глаза. Застывшие на глазах стеклянные бисерины слез готовы высохнуть.

— Нет, — мотает неуверенно головой, но на губах появляется тень улыбки. Ей приятно, что хоть кто-то проявил заботу, а ведь это такая малость. — Миша, наверное, уже спит. Поздно. Завтра утром отвезешь меня? — мне хотелось быть для нее сегодня героем, но где-то глубоко внутри я благодарен Юне, что она отказалась. У меня до хрена проблем, не успеваю разгружать. Новым пока лучше подождать.

— Утром отвезу, нет проблем, — будто только осознала, что все это время была в моих объятиях, она отходит на два шага. Между нами повисает неловкая пауза, которую я тут же заполняю: — Завтра я передам тебе телефон с новой симкой, там будет забит мой номер и номера телефонов моих ребят. Можешь звонить и писать в любое время, если почувствуешь необходимость поговорить, пожаловаться, чем-то поделиться или тебе будет страшно, — чтобы окончательно разрядить обстановку, натягиваю улыбку. — Мобильный не свети, чтобы не отобрали.

— Спасибо! — вроде закончили на теплой ноте.

— Я пойду.

— Угу. Стас, — окликает меня у двери.

— Да?

— Ничего. Спокойной ночи, — отводит глаза.

— Спокойной ночи, — ухожу. Мне кажется, я знаю, о чем она хотела спросить. Хорошо, что не спросила, я не знал бы, что ответить. Отношения с Олесей в прошлом, но ей лучше об этом не знать, между нами должна сохраниться дистанция...

Глава 17

Юна

Как только Стас уходит, бегу в ванную, включая холодную воду и брызгаю на лицо, шею, грудь. Мое тело сошло с ума?

Грязный развратный образ Стаса плотно засел в голове. Там, на закрытой задней террасе ресторанного дворика, где в любой момент мог появиться кто-то из администрации, я лишилась невинности. Мои глаза — так точно! Пялилась на них с Олесей, забывая дышать. Впитала так глубоко этот порочный образ, что в душе представляла себя на ее месте! С ума сошла.

Внизу живота невыносимо тянуло. Не помню, чтобы раньше мне так необходимо было получить разрядку. Томление скручивалось в тугой узел. Понимая, что ненормально желать чужого мужчину, к которому не испытываешь ни привязанности, ни любви, я все же потянулась пальцами к нежным складкам. Влага, что ощущалась на кончиках пальцев, была заслугой образа в моей голове. Быстрые легкие касания. Я получаю мощную разрядку и скатываюсь по мраморной стене на пол. Теплая вода еще долго оmyвает расслабленное тело. Сил нет, чтобы встать.

Никогда не думала, что могу быть настолько развратной. Меня возбудил чужой секс. Хорошо, что отец не может чи-

тать мои мысли. Иначе увеличили бы дозу той гадости, что по его приказу мне вкалывали несколько раз.

Стоит ли удивляться, что его появление в моей спальне в первые секунды я восприняла как галлюцинацию. Чуть полотенце не потеряла. Оно как раз норовило опасть к ногам. Я возмущалась, а у самой голос дрожал. Я только что кончила с его именем на губах!

Дрожащими руками надевая одежду, думала о том, что Стас сейчас в моей спальне. Он видел меня практически голой, но вместо того, чтобы смущаться, я наблюдала за тем, как он на меня смотрит. А он смотрел! Практически не мигая, будто пытался вобрать каждую частичку образа. Мне даже показалось, что цвет его глаз стал темнее, насыщеннее...

Подняв лицо от крана, взглянула в зеркало. Лицо красное, но теперь благодаря холодной воде. Мне нельзя поддаваться чувствам и эмоциям, нельзя мечтать, нельзя кому-то симпатизировать. Сложно оставаться равнодушной к чужой заботе. Лгу сама себе, сложно не реагировать на заботу Стаса. С первой нашей встречи между нами что-то происходит. Будто невидимая нить связала наши судьбы. Рядом с ним я дышу по-другому, я чувствую вкус жизни, который давно потеряла. Я боюсь этого до болевых спазмов в желудке, но врать себе смысла нет. Свою жизнь я могу доверить только Стасу. Я боюсь его темную сторону характера, но я к ней тянусь. Для меня она привлекательнее благородства. Хотя этого у Юматова не отнять.

Я ведь следила за выпусками новостей после бойни в загородном клубе. Видела репортажи с «героями», но герой там был один — Стас. Обидно, когда подвиги совершают одни люди, а награды и лавры собирают другие. Он ведь не пойдет возмущаться, бить себя в грудь и требовать, чтобы признали его заслуги. Стас ведет себя так, словно ему этого не надо. Он подставляется под пули из-за принципов, а не наград.

Повесив полотенце, иду ложиться спать. Утром меня отвозут к Мише. На губах появляется улыбка. Мне понадобится много сил, чтобы не разреветься. Вот еще один герой, который бросился из-за меня под пули. Думать о Мише безопасно. Пусть Игорь его недолюбливает, но вредить не станет. Запретив себе думать о Стасе, ложусь в постель, накрываясь с головой.

**** *

Утром отец присылает горничную, которая меня будит и передает распоряжение отца — спуститься к завтраку. Она не видит, как я поджимаю губы и сжимаю челюсти до легкой боли. Мы давно стали абсолютно чужими друг другу, порой мне кажется, что он меня ненавидит. Возможно, я недалеко от истины. Папа для дочки должен стать защитой и опорой. Кто, если не папа, должен баловать девочку? Я часто пытаюсь вспомнить, каким он был раньше. Кажется, он всегда был со мной таким...

Быстро умываюсь, спускаюсь вниз. Родитель сидит в сто-

ловой, просматривает что-то в планшете. Когда-то эта комната была моей любимой, я прибегала с раскрасками и садилась за маленький стол, который здесь находился специально для меня. Высокие, до потолка, окна, нет штор. Их никогда не было, поэтому днем здесь всегда светло. Эта комната могла бы стать уютным гнездышком для дружной семьи. А теперь мне сюда приходить не хочется, потому что папа часто проводит здесь время.

— Доброе утро, — подхожу к столу, здороваюсь.

— Долго спишь, Юна. Учись вставать пораньше. В обязанности хорошей жены входит подать мужу завтрак и проводить на работу, — не отрывая взгляда от экрана. Меня коробят его замечания и нравоучительный тон. Вчера он опять пил. Под глазами мешки, глаза красные. От него все еще несет перегаром, даже дорогой парфюм неспособен скрыть вчерашние возлияния.

— Разве в доме Игоря недостаточно прислуги? — не повысила тон, но внимание отца я привлекла. Все-таки порой мне сложно бороться со своей натурой, бросаю периодически вызов.

Оторвавшись от просмотра документов, папа воззрился на меня. Впору было начинать просить прощения, сейчас начнет рассказывать, где настоящее место женщины, как она должна вести себя с мужем. Я давно выучила этот монолог наизусть. Приготовилась слушать и молча кивать, но Игорь меня спас, позвонив на телефон отца. Так я думала до нача-

ла разговора.

— Доброе утро, Игорь, — мысленно кривлюсь, когда слышу, как отец разговаривает с Гараниным. Усыновил бы его, а меня оставил в покое! Пока отец рассказывал, как у нас дела, я быстро наполнила тарелку едой. Может, успею поесть до того, как они испортят мне аппетит. Вчера я так и не поужинала. — Да, она уже проснулась. Почему трубку не поднимаешь? — зло обращается ко мне.

— Телефон в спальне, — запихивая в рот кусочек воздушного омлета.

— Так иди и возьми, — цедит сквозь зубы.

— Доем...

— Доешь потом! — отключая звук на телефоне, рывкает он. Как же я их ненавижу! Прикрыв глаза, делаю глубокий вдох. — Быстро, Юна!

— Приятного аппетита, — таким тоном, что мне за него еще прилетит. Резко подскакиваю со стула, уйти не успеваю. Плечо обжигает резкой болью, часть оконного стекла рассыпается вдребезги...

Глава 18

Стас

Сука!

А-а-а-а-а!!!

Бью ладонями по стене, пока они не начинают нещадно болеть, но даже это не умирляет огонь, что разъедает изнутри душу. Руки дрожат, как у запойного пьяницы, хотя секундами ранее уверенно жал ими на курок! Сползаю по стене, бьюсь два раза затылком. Боль не умирляет, не отвлекает. Стукнуться бы так, чтобы отключиться, чтобы забыть это утро! Не имею права подставить команду!

Сука-а-а-а!

Сердце бахает в горле, в висках... Такое ощущение, что оно бахает везде, а в груди пусто. Я только что лично пустил себе пулю в сердце!

Поднимаюсь на ноги, смотрю в прицел, наблюдая суету в доме Серебряковых. Я знаю, что с Юной все в порядке. Зацепил ювелирно, но ядохну от того, что нажал на курок. Ядох все то время, что смотрел в прицел. Несколько минут персонального ада. Я не мог позволить себе эмоции в тот момент, на карте стояла ее жизнь. Хладнокровный ублюдок по эту сторону прицела, невинная жертва по другую. Дрогнул, когда она подскочила со стула. Выдохнул и спустил курок. Выполнил приказ, но жрать себя за этот выстрел буду всю

оставшуюся жизнь.

Наша работа не всегда про добро. Результат — любой ценой. Если приказ приходит сверху, генералы напрягают жопу. Нужно кого-то пустить в расход. Так действуют все спецслужбы мира. За красивой картинкой общей победы стоят личные поражения.

— Стас! — слышу в гарнитуре голос Лиса. — Отходим! — нервно командует. — Стас, минута сорок! — отсчитывая секунды, орет он несколько раз. — Тебя ждут у Серебряковых! — заставляю себя двигаться.

Нам надо успеть уйти до того, как сработает охранная система. План сегодняшней операции был разработан за одну ночь. Вводные данные по всем жителям в округе двух километров собрали за первые два дня, поэтому выбрать точку не составило проблем. Договориться с совестью не получилось. Будь на месте Юны другая...

Не знаю, как бы я себя чувствовал, но вряд ли меня так ломало бы.

Заворачиваю эмоции, укладываю винтовку в чехол. В доме не остается следов моего пребывания. Машина ждет у ворот, сажусь на заднее сиденье, с пробуксовками срываемся с места. Через десять секунд включаются камеры и охранная система дома.

Парни молчат. Они в курсе, что мы выполнили дерьмовый приказ. В курсе, как я к этому отношусь. Они были в кабинете, когда я срлся с Багировым, отказываясь слушать

план, который вчера нам кинули на рассмотрение. Багиров пытался переиграть, но альтернативы нам не оставили. Яр пытался до меня это донести. Если хочу находиться рядом с Серебряковой, делаю все, что мне приказывают. Меня отстранят, как только поймут, что Юна — личное. Могут и из управления попросить.

— Если ты отказываешься выполнять приказ, его выполнит другой! — орал Ярослав, пока я не понял, что выбора нет.

Мать твою!

Кому-то другому доверить ее жизнь? Малейшая ошибка может стать фатальной.

На следующей точке забираем второго снайпера. Она садится рядом. Бьет по плечу, сжимает его в знак поддержки. Ей стрелять не пришлось. Я не позволил, взял слово с единственной девчонки в команде, что она не нажмет на курок. Со своими договориться легче. Могли ведь прислать левого спеца. Спасибо Яру, не позволил. Верил в меня. Его не подвел, но себе душу выжег.

Олеся пришла к нам полгода назад, чудом осталась жива после тяжелого ранения. Багировы сделали все, чтобы закрыть ей дорогу в горячие точки. Трагичная судьба и отсутствие желания жить. Она неплохой снайпер, служила в другом отряде, теперь у нас, под опекой Яра.

— Ювелирная работа, — произносит она негромко, в салоне такая тишина, что слышат все. Это не похвала — слова

поддержки. Хвалить не за что, хотя произвести такой точный выстрел с левой винтовки — все равно что перешагнуть грань своих возможностей. Только моей совести похрен! Я стрелял в невинную девчонку, у которой и так ворох проблем.

Стаскиваю перчатки, тактическую балаклаву, гарнитуру, рацию бросаю на сиденье. Лис перекидывает мне сумку с одеждой, переодеваюсь прямо в салоне. Олеся свой парень, ее мужскими боксерами не смутить. Через пять минут останавливаемся на точке. Из фургона выходят Багиров и Хакер. Спасибо за то, что не говорят слов поддержки. Каждый может представить себя на моем месте и понимает, в каком я дерьме.

— Постарайся внушить Серебрякову, что Юну нужно спрятать так, чтобы никто об этом не знал. Без его согласия мы ее не вывезем, — говорит Яр. Опять начинаю злиться. План заключается в том, что Юна должна стать живцом. Как только мы ее вывезем, начнем следить за всем окружением Серебрякова, ее будут искать, начнут шевелиться, оставят хоть какие-то следы. У нас есть подозрение, что убрать ее захотят до свадьбы...

— Яр, я ей после этого в глаза смотреть должен, — бросаю винтовку ему под ноги. Играет желваками, но ничего не говорит. Он, как и я — винтик в системе, Багиров всегда за честность и благородство, но над нами сидят зажавшиеся хари, которые боятся быть отлученными от кормушки. — В

моей копилке еще один поступок, от которого не отмыться.

— В нашей копилке, Стас, — то, что он разделяет ответственность, немного умиряет мой гнев.

Я хреновый актер. А отыгрывать теперь придется...

Сажусь в машину, махнув ребятам, еду в особняк Серебряковых. Развернув запястье, смотрю на время. Без двух минут буду на месте. Не успеваю доехать, как телефон начинает разрываться. Смотрю на экран, от Мечника два пропущенных звонка. Он единственный, кто не был осведомлен об операции. По телефону такие вещи не обсуждают. Ему расскажут на базе.

— Доброе утро, Евгений Борисович, я подъезжаю, — предупреждая его вопрос.

— В Юну стреляли! — орет он, голос дрожит. Я знаю, что с ней все в порядке, но мне ведь нужно отыгрывать. Сука! Как же сложно...

— Как стреляли?! — повышаю голос. — Как ваша дочь?

— Ее ранило! Если бы не соскочила со стула, ей бы прострелили голову, — истерит он. На это и был расчет. План работает, только мне от этого ни хрена не легче.

— Я иду, — торможу у ворот. Бросаю тачку и спешу в дом. Меня до сих пор не отпустило. Загляни сейчас кто-нибудь ко мне в душу, увидит черную бездну.

Охрана в панике, носится вокруг дома. Идиоты! Бля, где их набрали? Выстрел произведен с расстояния восьмьсот метров, а они тут бурную деятельность развели.

Каждый считает своим долгом подойти и отчитаться. Мне нет смысла их слушать.

Вбегаю на крыльцо, открываю дверь и захожу без приглашения. Меня никто не замечает. Мне нужно две секунды, чтобы взять себя в руки. Серебряков нервно расхаживает по гостиной, ерошит волосы. Юна сидит на диване, бледная, испуганная, губы искусанные. Воздух толкаю в легкие, дышать больно. Горничная обрабатывает ей предплечье. Крови много, хотя рана неглубокая. Царапнул, но это ведь пуля. Шрам наверняка останется. Его ей оставил я...

Глава 19

Стас

— О-о-о, пришел, наконец-то! — первым замечает Серебряков. Смотрит волком. — В мою дочь стреляли! — кричит он, уперев руки в бока.

Я точно кого-нибудь прибью до завершения дела. Моей нервной системе такие скачки напряжения не приходилось переносить. Со всех сторон давление, и каждый ведет себя, как последний мудака. Я не исключение.

— Вижу, — как раз подошел к Юне. Убедиться, что я скотина, который причинил ей физическую боль. Ювелирная работа... в любом другом случае я был бы согласен, а сейчас готов был себе пальцы отстрелить. В глазах Юны растерянность, страх. Почему же так ломает? Я виновник всего этого дерьма. Прости, девочка. — Скорую вызови, — грубо бросаю горничной, оборачиваясь к Серебрякову, который все это время зло пыхтит.

— Ты здесь, чтобы защищать мою дочь! — смеет повышать голос? Выговаривать мне? Закончив перевязку, горничная уходит звонить в скорую. Я иду за ней, прикрываю дверь.

— Лишь с восьми утра до десяти вечера я защищаю вашу дочь, — двигаюсь на него. — Напоминаю, я на расстоянии в несколько десятков метров, — цежу сквозь зубы. —

Как думаете, я Супермен? Телохранитель должен находиться в непосредственной близости от объекта! — он отступает, будто боится, что ударю. Такое желание есть, но я держу эмоции под контролем. Главное — не смотреть на Юну, могу и сорваться. — Все рекомендации, которые были предложены, вы обговаривали со своим будущим зятем и шли у него на поводу, запрещая мне выполнять свою работу, — продолжаю выговаривать. Пришла моя очередь. — Мне закрыли доступ в особняк! Вчера мы ездили на ужин в ресторан, и вы спокойно наблюдали, что Юна села в его автомобиль, когда меня рядом не было. Я вас предупреждал, чтобы вы избегали посещений некоторых комнат в доме. Столовая стояла в списке на первом месте! Скажите, пожалуйста, что делала Юна утром в столовой? — мне сложно было не орать. Этому мудаку хотелось разбить морду. Я не думал, что так легко будет выполнить навязанный руководством план. Думал, несколько дней придется пасти и ждать удобного случая. — В первую очередь спрашивайте с себя и с будущего зятя! Это вы ставите под угрозу жизнь своей дочери. Может, Гаранину выгодно, чтобы сразу после свадьбы жену убили? Он же все равно получит ваше предприятие? — не думаю, что за нападением стоял Гаранин, но такие мысли не мешает поселить в голову Серебрякова, чтобы выполнить требование генерала. — Вам дешевле самому ее пристрелить и отдать все будущему зятю, — Юна вздрогнула, будто я ударил ее.

— Ты как со мной разговариваешь? — подобрался Серебряков, будто готов кинуться в атаку. Вытянул губы в тонкую линию.

— Юна, оставьте нас, — прошу девушку. Я и так произнес при ней много лишнего. То, что я хочу добавить, ей лучше не слышать. Серебряков кивнул на дверь, когда она перевела на него взгляд. — Вы, видимо, не до конца понимаете, что у вас проблемы, которые скоро придется разгребать? — как только она отошла от закрытой двери. — На дне рождения вашей дочери погибли не только рядовые охранники. Там были дети, внуки, племянники, любовницы... политиков и бизнесменов. Если в ближайшее время мы не найдем заказчиков... — специально не договариваю, пусть сам дорисовывает. — Я не уверен, что после того, как мы их найдем, вас не станут топить, — говорю, как есть. Людям всегда хочется наказать виновных. Тем более людям, которым дана власть. За своих они будут мстить долго и усердно.

— Что ты предлагаешь? — взъерошив волосы, хватается за них и тянет. Мужик в отчаянии, но меня это не трогает.

— Увезти Юну и спрятать, — озвучиваю следующий этап плана. — О месте ее нахождения никто не должен знать, даже жених, — последние слова выдавливаю из себя.

— Это невозможно, — яростно мотает головой. — Игорь не даст согласия.

Опять двадцать пять! Твою мать!

— Вы ее отец, — напоминаю мудаку.

— Ты не понимаешь, — злится он, вновь начиная расхаживать по комнате. — Я обанкротился, Игорь дал мне денег, взамен я отдал ему дочь. Он распоряжается Юной! Она принадлежит ему! — я думал, он мудак, а он конченный мудак. Говорит о дочери, как о бесправной вещи!

— Она ему еще не жена! — напоминаю уроду.

— Свадьба лишь формальность. Только ему решать, что будет дальше. Если он не позволит ее увезти, я ничего не смогу сделать, — у меня в голове не укладывается, что он буквально продал дочь. Торговля живым товаром в стране запрещена? Видимо, за большие бабки можно все!

— Боитесь потерять свой бизнес? — пытаюсь разобраться в мотивах.

— Если Игорь откажется от сделки, я потеряю все, — дальше может не продолжать. Отказаться от красивой жизни тяжелее, чем от дочери. Если выяснится, что Серебряковы косвенно виноваты в той бойне, бизнес ему не спасти. Возможно, он это понимает. Надеется, что зять пригреет?

Пусть теперь Левашов лично давит на Серебрякова, раз его план не сработал! Я ведь говорил, что инсценированное покушение на девушку вряд ли что-то даст! Только кто меня слушал?!

— Уговорите его отпустить дочь, — предпринимаю еще одну попытку уговорить Евгения Борисовича. — Мои обязанности с этого момента изменятся. Вы делаете то, что советую я, Гаранину не обязательно обо всем докладывать.

— Он узнает, — тяжело вздыхает Серебряков, падая на диван и опуская голову. Значит, здесь есть его люди. Хреново! Дальше наш разговор был бессмысленным. Как раз подъехала карета скорой помощи. Я должен быть рядом с Юной, лично убедиться, что все хорошо.

Похитить бы тебя, девочка, и увезти далеко-далеко... Только я ничем не лучше твоего жениха и мудака-отца. Чувство вины не решит всех проблем, поэтому, затолкав его в самый темный уголок души, решал, как действовать дальше.

Глядя на ее бледное лицо, следил за манипуляциями врача. Обработали и перевязали рану, уверили Юну, что швы накладывать необязательно, тонкую полоску шрама будет практически не видно. Поставили противостолбнячный укол и уехали.

— Мы поедem к Мише в больнице? — спросила Юна, как только врачи ушли.

Сжимаю переносицу пальцами. Посещение ее брата в больнице совсем вылетело из головы! Вчерашняя ночь и сегодняшнее утро были слишком насыщены событиями!

— Сегодня его должны перевести в палату, — в ее красивых глазах плещется надежда. Смотрит так, что не могу ей отказать. Что ты делаешь со мной, девочка?

— Я все организую, дай мне пару часов, — достаю из заднего кармана телефон, который приготовил специально для нее. Спинай я закрываю обзор для камеры. На записи будет видно, что мы просто разговариваем. — Спрячь, — Юна

убирает мобильный в карман. — Там три номера: мой, Алексея и Артема. Ты можешь звонить каждому из нас в любое время, но я предпочел бы, чтобы ты сначала звонила мне...

Краснеет, губу нижнюю белыми зубками закусывает. А меня наизнанку выворачивает. Играем в гляделки, а они такие... недвусмысленные. Вижу, нравлюсь ей, а она нравится мне — и это проблема.

Прекращай! Я ведь думать о тебе не имею права...

— Юна! — развеивая напряжение между нами, в дом врывается Гаранин, с порога орет, будто у себя дома...

Глава 20

Стас

Двигаю ногами, напоминая, что Юна его невеста. Заставляю себя отойти. Гаранин ведь не угрожает ее жизни, а значит, я не имею права загораживать ее своей грудью. Обмениваемся презрительными взглядами, я выслушиваю очередной словесный понос:

— Не терплю непрофессионалов, а тебя — вынужден. Если с моей невестой что-нибудь случится... — выдерживает паузу.

Пряча ухмылку, прямо смотрю ему в глаза. Мы оба знаем, что он копает под меня. Будет мстить. На данном этапе возможностей у него больше, чем у меня. На мои аптеки уже составлены жалобы, проверку нужно ждать со дня на день. Но мы также оба знаем, что меня есть кому прикрыть. Только после сегодняшней операции обращаться к этим людям за помощью мне не хочется. Пусть лучше проверки. На Левашова я зол, помощь его мне не нужна.

— Если будете следовать рекомендациям и советам, то риск сократим до минимума, — ровно отвечаю. Злитесь, понимает, что это камень в его огород.

— Советы я не слушаю, предпочитаю доверять себе, иначе не был бы там, где нахожусь сейчас, — реально думаю меня этим задеть? Я там, где хочу быть. Мир больших денег и

возможностей давно перестал быть мне интересен. Не сдерживая ухмылки, разворачиваюсь и ухожу. Мне нужно подготовить выезд в больницу.

— Мы не договорили, — цедит сквозь зубы.

Мне не стоит его провоцировать, ведь только его положительное решение позволит нам вывести Юну на конспиративную хату, но не могу заставить себя пресмыкаться перед человеком, которого в подростковом возрасте хотел утопить в унитазе. И дело не в том, что в то время мне некуда было сливать агрессию, и я уничтожал слабых. Нет, это как раз в духе Игоря. Дрался я всегда с равноценными соперниками и теми, кто был значительно сильнее. Остальных размазывал морально, но они заслуживали, зля мерзким поведением.

— В Юну стреляли, — не оборачиваюсь, но сбавляю шаг. Руки сжимаются в кулаки. Это я в нее стрелял. Не скоро меня отпустит. — Вы, наверное, хотите проявить беспокойство о нареченной, — жестоко по отношению к Юне. Мудак даже в такой ситуации думает о себе. Пытается доказать мне, что он круче. Не вижу, но чувствую волну злобы.

— Дорогая, как ты?.. — последнее, что удастся услышать, прежде чем выхожу из дома. Гондон!

Связываюсь с Багировым, сообщаю о желании Серебряковой посетить больницу. Решаем, какой дорогой поедem, где расставить наших ребят. Яр интересуется, как дела в особняке.

— Глухо, — отвечаю. — Серебряков ничего не решает.

Гаранин не позволит ее увезти. Я говорил, что план дерьмовый, — тихо, но с нескрываемой яростью. Да, я все еще зол, что меня поставили перед жестким выбором, заставили стрелять в невинную девчонку, которую и так жизнь не балует с таким отцом и женихом.

— Стас, не кипятись. Вытащим мы твою девочку, — говорит Яр, но в голосе я не слышу уверенности.

— Она не моя, — словно острым лезвием по груди. Юна принадлежит этому ублюдку.

— Значит, не твоя. За свою ты бы рвал голыми руками, — сыплет соль на рану.

— Наберешь, как будете готовы, — сворачиваю тему моих чувств к Юне. Чтобы воевать с Гараниным, нужны ресурсы...

Возвращаюсь в особняк. Не приглашали, но я и не ждал приглашения.

— Юнона Евгеньевна, в течение часа мы сможем выехать, — заглядываю в гостиную. Мужчины, я так понимаю, закрылись в кабинете. Серебряков наверняка озвучил предложенный мною план, теперь будет упрашивать Гаранина разрешить спрятать дочь.

— Хорошо, я быстро соберусь, — поднимается с дивана, проходит мимо, задевая кончиками пальцев мои. Втягиваю ее запах. У нее очень легкие духи, они практически не перекрывают природный чистый запах ее тела.

— Не спешите, — голос проседает на пару октав вниз.

— Игорь едет с нами, — говорит совсем тихо, тут же убеждает. В груди разливается тепло, она ведь за меня переживает, поэтому предупредила. Лишнее это, нельзя ею увлекаться, но ничего поделать не могу, введусь на девочку.

Юна выходит из особняка в легком платье, рукава три четверти, чтобы повязки не было видно. Гаранин садится с ней на заднее сиденье в бронированный внедорожник. Бойтся, сука, за свою жизнь. Держит за руку Юну, она сжата, словно пружина. Спина ровная, на лице ни одной эмоции. Что ты успел ей наговорить, урод? Леха и Артем на передних сиденьях. Я сажусь в направляющий автомобиль рядом с водителем Гаранина.

Доезжаем спокойно. Во дворе замечая наших парней, здороваемся взглядами. Михаила перевели утром в палату. Гаранин с Юной входят к нему, мы остаемся у приоткрытых дверей.

Наблюдаю, как с Юны спадает зажатость. На губах открытая улыбка, из глаз текут слезы радости. Она садится рядом с братом, аккуратно обнимает его, боясь задеть рану. Игорю там явно не рады. Он выходит из палаты минут через пять со словами:

— У тебя пять минут, Юна. Я опаздываю на работу, — вредно подавлять в себе инстинкты, я рядом с этим куском дерьма постоянно держу агрессию на поводке.

— Игорь, ты можешь ехать в офис, я побуду с братом, потом поеду с охран...

— Мы уедем вместе через пять минут, — захлопывает дверь и уходит к машине.

— Урод, — произносит Жаров. — Как можно связать с такой мразью свою жизнь?

— Думаешь, у нее есть выбор? — спрашиваю друга. Вопрос риторический. Леха закрывает тему, видит, как меня кроет от этой ситуации, а сделать ничего не могу. Разобью морду Игорю, больше не увижу Юну. Гаранин перекроет все пути к ней. А мне нужно знать, что с ней все хорошо.

Телефон в кармане принимается вибрировать. Опять Леська. Никак не успокоится. Сбрасываю вызов. Звонит еще три раза, сдается. Жаров понимающе ухмыляется. Да, чем меньше женщину мы любим...

Юна задерживается. Бросает вызов жениху. Через десять минут поднимается водитель и напоминает, что Игорь ждет в машине.

— Сейчас иду, — не глядя на мужчину, бросает она. Водитель выходит, качая головой. Мужик понимает, что ничего она своим поведением не добьется. Ну, кроме скандала или нудной головомойки.

Еще через пять минут злой Гаранин спешит к палате. На скулах играют желваки, губы сжаты в тонкую линию.

Резко открывает дверь в палату. Прожигает Юну злым взглядом.

— Я сейчас иду, — выдерживает ровный тон, хотя я замечаю, как подрагивают ее пальцы, которые в своей ослабев-

шей руке пытается согреть брат.

— Сейчас, — давит голосом. Юна встает, прощается с Михаилом, обняв напоследок, выходит. Не знаю, о чем они с братом говорили, но я впервые вижу, как светятся ее глаза.

— Чисто, — слышу в гарнитуру голос охранника Игоря.

— Выходим, — хочется верить, что Гаранин действительно нанимает только лучших профессионалов, но я все равно прошу отчитаться по каждой возможной позиции.

Я с Лешкой впереди. Гаранин с Юной за нами, у центрального входа к нам присоединяются еще два охранника. Охраняемый объект берем в кольцо. Выходим из-под козырька. Тут не больше десяти ступенек, но ближе к середине я оста-навливаюсь, по коже проходится знакомый холодок.

— Ложись!!! — кричу я, накрывая собой Юну...

Глава 21

Юна

Люди думают, что у меня есть все. Они правы, все, кроме счастливой жизни. Раньше была надежда, но и она умерла. После помолвки с Гараниным стало только хуже. Не мечтаю больше, что когда-нибудь полюблю и уйду из этого дома, что отец больше не сможет на меня давить, заставлять делать то, что мне не нравится. Мое счастливое замужество виделось мне спасением, но и эту мечту разрушил родитель, продав меня Игорю.

Отдушиной был лишь двоюродный брат — сын тетки по отцовской линии. С Мишкой мы сдружились сразу, как только он переехал к нам после смерти матери. Он единственный, кто меня поддерживал, успокаивал, пытался возродить надежду на светлое будущее.

Я так рада видеть его, что не могу остановить слезы, увлажняющие мои щеки. До какого-то момента меня даже не трогает присутствие Игоря, но он, как всегда, должен все испортить властными замашками.

— Миш, спасибо, ты меня собой закрыл, — как только мы остаемся одни, я могу быть самой собой. Не нужно прятать эмоции и чувства.

— Нашла за что благодарить, глупая, — морщась, тянется к носу и поддевает его согнутым указательным пальцем. —

Если бы я тебя мог и от этого защитить, — тяжело вздыхая, кивает на дверь, из которой недавно вышел Игорь.

А потом мы просто болтаем: о его самочувствии, о том нападении. Мишка интересуется деталями, ведь он ничего не знал о том, что случилось после. Я рассказываю, что меня спас парень Леськи. Брат обещает пожать ему руку, как только в его собственных руках появится сила.

Мишке вернули телефон, он попросил включить его и поставить на зарядку. Я знаю, что прошло уже больше пяти минут, подсознательно готовлюсь к моральному наказанию. А оно последует. Сначала за мной прислали охранника Гаранина — напомнить, что пять минут давно истекли, потом Игорь сам за мной поднялся. Оставил бы он меня в покое!

— Я к тебе еще приеду. Выздоровливай скорее, дома без тебя невомогу, — тихо шепчу перед уходом.

— Жди, скоро вернусь, — в глазах грусть. Он не может ничего изменить в моей жизни, не может защитить, хотя очень хотел бы.

Чувствую рядом с собой присутствие Стаса, он ни на секунду не оставляет. Его запах окутывает, успокаивает. С ним надежно. Леське очень повезло иметь такого парня, а она не ценит...

Погрузившись в свои мысли, упускаю происходящее вокруг. Крик Стаса, слова не разобрала. Я лежу под его горячим сильным телом. Выстрелы. Паника. Обжигает болью локти, колено и лицо — последствия приземления. Сердце

рвется из груди как сумасшедшее.

Топот ног, приказы.

— Ты как? — поднимает меня и быстро осматривает Стас. Желваки играют на его лице, в глаза мне не смотрит.

— Нормально, — наверное, нормально, я просто еще не пришла в себя. — Кто стрелял? — будто непонятно. Два покушения за один день — явный перебор.

— Выясним, — чувствую злость своего телохранителя. Внизу крики, паника. Врачи не спешат выходить к раненым, а они есть. Среди них товарищ Стаса и Алексея — Артем.

Игорь во время стрельбы забежал в здание больницы, с ним его охрана. Откуда-то появляются незнакомые люди в военной форме, лица закрыты специальными масками, которые носит спецназ. Некоторые бойцы преследуют нападавших, которые стреляли с крыши второго этажа бокового отдельного корпуса, другие окружили меня, оттеснив обратно в здание больницы, третьи заносят раненых.

— Целы? — подходит к нам высокий статный мужчина, судя по голосу, он немногим старше Стаса. Мне кажется, я уже слышала этот голос. Вопрос скорее риторический, никто не спешит отвечать. — Твою... — ругается под нос, услышав рев двигателей мотоциклов. Опять раздаются выстрелы, но мужчины на них не реагируют, в отличие от Игоря, который опасливо осматривается.

— Поехали, я отвезу тебя домой, — сквозь кольцо здоровых крепких мужчин вклинивается рука Гаранина и хватает

меня за локоть.

— А если по дороге на вас совершат очередное покушение, прикроете собой невесту или опять броситесь спасать свою шкуру? — произносит бесстрашный мужчина, на лицах его товарищей появляются ехидные ухмылки, парни из охраны Игоря стыдливо отводят глаза. Глаза моего жениха наливаются ненавистью и злобой, подбородок дрожит, губы вытягиваются в узкую линию.

— Кто ты такой? — повышает голос Игорь. Выходит из себя, потому что его заслуженно унизили.

— Перед тобой я не обязан отчитываться, — легко переходит на «ты». Отзеркаливает высокомерие, но делает это так искусно, что мой жених теряется. Сразу становится понятно, кто здесь главный. Этот мужчина давит уверенностью, силой, жесткой энергетикой, но Стас на него смотрит недобро, может, мне показалось?

— Я этого так не оставлю, — цедит Игорь, убирая руку.

— Могу посоветовать неплохие военно-спортивные секции, где из таких, как ты, пытаются сделать мужиков, — неожиданно выдвигается вперед Стас и застывает напротив Гаранина. Глаза Игоря вспыхивают бешенством, но я замечаю, что даже его охрана прячет ухмылки. — У кого-то получается, потому что с душком родился, а кому-то бесполезно время тратить, кем был в детстве, тем и остался, — Стас недвусмысленно смотрит на Игоря, а я пытаюсь понять: мой телохранитель знал моего жениха раньше, или его слова —

результат работы спецслужб? Они ведь могут найти информацию на каждого?

— Не пожалей о своих словах, — негромкое предупреждение, но его слышали все, кто стоял в кругу.

Больше Игорь ничего не сказал, отошел от нас, полез в карман за телефоном и принялся кому-то звонить. Когда он закончил говорить, не оглядываясь, спустился к своей машине. Мы все могли наблюдать за его действиями через стеклянные двери. Сослуживцы Стаса беспокоились об Артеме. Оказывается, все они ждали, когда закончится операция.

Ожила рация у того спецназовца, который отказался представляться Игорю.

— Один ушел, второй трехсотый, везем в больницу, — раздается зернистый голос, который очень сложно воспринимать на слух. В моей руке вибрирует телефон, на экране имя отца. Смотрю во двор больницы, через стекло, машина Гаранина стоит на месте.

— Юнона, ты прямо сейчас выйдешь из больницы и сядешь в машину к своему жениху, — я очень хорошо знаю этот тон, отец в бешенстве. Страх заползает под кожу, холодит все внутренние органы.

— Папа, в меня опять стреляли, — пытаюсь достучаться до него. Я боюсь, когда он в таком состоянии, ничем хорошим для меня это не закончится.

— Ты сейчас же пойдешь и сядешь в машину к Игорю. Или я сам тебя пристрелю, — цедит сквозь зубы. Стас заме-

чает, что меня трясет. Он отходит от ребят, забирает из моих пальцев трубку. Я ее сжимала с такой силой, что удивительно, как не треснул экран. Подносит телефон к уху, недолго слушает, сбрасывает разговор, а на меня смотрит так, что я начинаю задыхаться. Что там мог сказать отец?..

Глава 22

Стас

«Наши?» — спрашиваю взглядом у Багирова, как только командир оказывается рядом. Едва заметно мотнув головой, Яр переключается на Гаранина, а я никак не могу утопить злость, что кислотой разъедает нутро. Сложно довериться после того, как я сам был вынужден стрелять в Юну.

Стоит рядом, бледная, трясется. Обнять бы, прижать к себе, впитать в себя весь ее страх. Заверить, что я никому не дам ее в обиду. Только не могу я теперь давать клятвы, от этого удавиться хочется.

Гаранин закусился с Багировым. Яр за меня отрывается, знает, что я пока связан

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.